

П. ДИДИМОВ

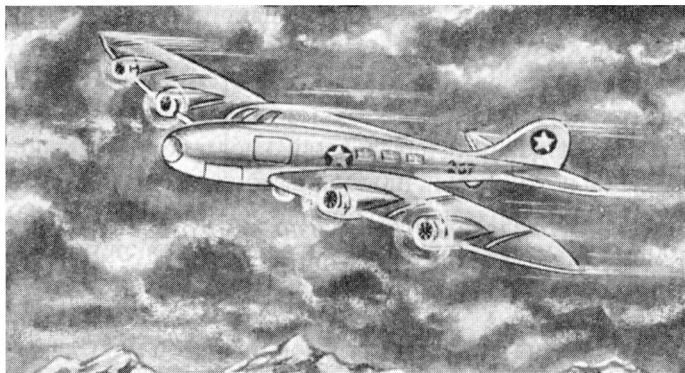

ПУТИ ГОСПОДНИ
НЕИСПОВЕДИМЫ

П. ДИДИМОВ

ПУТИ ГОСПОДНИ НЕИСПОВЕДИМЫ

МОЙ ПОЛЕТ ОТ НЕВЕРИЯ К ВЕРЕ

"Книжный мир экумены" © 2013

Брюссель 1995

Второе издание

Издательство «Жизнь с Богом»
Avenue de la Couronne, 206
B – 1050 Bruxelles

Духовной жаждою томим
В пустыне мрачной я влачился...
А. Пушкин.

Москва 1941 года в панике... Сотни немецких самолетов совершают налеты на красную столицу. Там и сям вспыхивает пламя пожаров. Ползут зловещие слухи, что немцы близко под Москвой. На улицах не только формы НКВД, но и простого милиционера не сыщешь. Народ открыто клянет власть, которая мужей и братьев бросила на фронт, а жен и детей оставила на произвол судьбы. Голодные и холодные, они неделями стоят у закрытых заводских касс и все надеются, бедняжки, получить хоть заработанные их мужьями и отцами деньги; но все тщетно!...

Призвали и меня, но не сразу бросили на фронт, а заставили еще пройти военную академию красной армии. Советам срочно нужны были офицеры более высокого ранга. Я имел для этого необходимое сочетание: свежее-окончивший инженер и летчик. Дело в том, что, наряду с учебой в университете, я должен был отбыть как-то и воинскую повинность. А таких, как я, нас собралось немало. Тогда, по специальному приказу Ворошилова, нам создали в университете особые условия: мы обязаны были дополнительно заниматься военными дисциплинами и всякой шагистикой, а в летние каникулы отбывать практику на аэродромах. Так, став инженером, я одновременно стал офицером...

Месяцем позже по моем вступлении в академию нас однажды погрузили и куда-то повезли. Все думали о большом сражении на подступах Москвы, где и для нас начнется теперь жаркое дело. Немцы, действительно, были перед самой Москвой. Но вот нас везут куда-то все дальше от Москвы. Ехали мы исключи-

тельно ночью и с большими перебоями. Однако настаки вытянули из еще, очевидно, незамкнутого кольца немецкого окружения и повезли дальше. Теперь нам объявили, что операция удалась, мы вышли из окружения и эвакуируемся в Среднюю Азию.

Вот тут я впервые вздрогнул и ужаснулся от беспрерывных кошмаров на нашем пути: насильно эвакуированные женщины и дети, похожие на скелеты, с отчаянием вымаливали у солдатских поездов хоть один сухарик для изголодавшегося ребенка; и тут же крупные советские чины – эта советская аристократия – бросали местным продавцам любые деньги за масло, хлеб, сало и пр. Вот этих-то денег, наверное, и ждали там, в далекой Москве, оставшиеся на произвол судьбы женщины и дети. Это весьма типичная картина для плановой советской системы...

А нас, «академиков», как только мы приехали на предназначенное нам место, заперли за высокими стенами какого-то монастыря, без права выхода куда бы то ни было. Ведь кругом нас проживали со своими семьями сбежавшие сюда из Москвы советские аристократы, и мы не должны были мозолить им глаза, особенно на рынке... Кормили нас одной гнилой капустой. К весне мы совсем зачахли; под глазами были черные круги, да и в глазах мелькали круги, и во всем организме – ничем непобедимая слабость.

Ну, а потом мы все-таки окончили академию, и нас вернули в Москву. Тут я поразился множеству НКВД-истов на улицах; не успел я перейти ближайшую улицу, как эти молодчики трижды проверили мои документы. Я лишь горько улыбнулся: «Вот они, защитники отечества!»...

С тяжелым предчувствием ехал я на фронт. И, подлинно, не успел я достичь штаба армии, как там началась полнейшая паника. Немцы неожиданно «сло-

мали» на Дону весь южный фронт и стремительно двинулись к Сталинграду. Этого дня я никогда не забуду!...

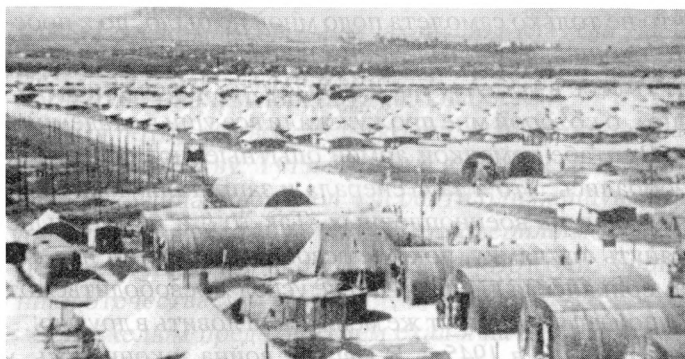
В воздухе зловеще висели «мессершмидты», и тут же сразу падало несколько наших горящих истребителей. Помню, меня сверлила мысль, что, вот, никто из этих бедняг не успел выброситься с парашютом, и меня охватила за них щемящая душу тоска. Я стоял во весь рост с прикованным к небу лицом, не обращая внимания на жужжащие всюду пули и вой шрапнелей, как вдруг сразу два пистолета уперлись мне в грудь, и команда: «Хендэ хох!».

Не будь на мне блестящего академического мундира, я думаю, немцы давно бы пристрелили меня, как многих других, так как шел еще горячий бой на рубеже реки Кубани; но они приняли меня за генерала и захотели живым доставить в штаб своей армии, что они и сделали спустя сутки, как только фронт отодвинулся дальше. За это время, то тут, то там, кого-то убивало и ранило, но меня эта участь миновала. Я сидел под деревом с тоскливой безучастностью и даже не падал плашмя, как немцы, при каждом разрыве шрапнели. До чего глупо сунули меня в это пекло! Обидно было, что не только самолета подо мной не было, но и просто паршивым пистолетиком не снабдили, чтобы пустить себе в лоб эту, так называемую, «последнюю пулю», о которой мне прожужжали все уши в академии.

В штабе немецкой армии опытные люди сразу разобрались, что я за «генерал» и запрятали меня в общий лагерь военнопленных. Так-то я и стал отныне тянуть эту лямку, пока не освободила меня от нее 242 американская дивизия. Но не успел я освободиться от одной лямки, как тут же меня стали ловить в другую...

Это было в 1945 г. В Европе война закончилась... Советские репатриационные комиссии действовали

вовсю и кровавым бичом торопились загнать обратно за железный занавес «своих заблудших овец». Никто им в этом злодеянии не препятствовал, а, скорее, наоборот, все усердно даже помогали им в этом, думая, очевидно, таким путем спасти себя от большевистской заразы. И редкостной «овечке» удавалось проскочить с толпой беженцев из других стран, и уже, допустим, с ярлыком «чистокровного грека» бежать все дальше и дальше на Запад.

Репатриационный лагерь

В одном из беженских вагонов поезда, мчавшегося на юг Италии, сидела компания таких «овечек» и завела разговор о Боге: есть ли Он? Неожиданно для самого себя я сказал: «Его нет!» «А ты откуда знаешь?!» – заревел на меня один из собеседников. Не знаю почему, но поразили меня эти слова в самое сердце, и я, ничего не ответив, до самого лагеря погрузился в глубокие размышления: «Да откуда, в самом деле, я знаю, что Его нет?!» – спрашивал я уже сам себя.

Мысли невольно поплыли к далекому детству, когда я, держась еще за подол юбки матери, семенил за нею в нашу милую деревенскую церковь, где меня когда-то крестили. Все мне в ней нравилось: красивые иконы, теплое мерцание лампад, сотни зажженных свечей, трогательное пение...

Ну, а о Пасхе нечего и говорить. Все мальчишки тут, как тут! и каждый с самодельным пистолетом, чтобы палить потом при первом радостном трезвоне с нашей колокольни. К тому времени мы набивались на нее до отказа, пока пономарь больше не пускал туда; остальные рассыпались вокруг церкви. Да, на Пасху, все как-то по особому радостны, разговляются, христосуются, обмениваются разноцветными яйцами, катают их перед каждым домом.

А мы, мальчишки, успевали всюду, и особенно любили праздничный трезвон на колокольне целую пасхальную седмицу, что было для нас незабываемой радостью на целый год, если не на всю жизнь; я и теперь с удовольствием вспоминаю это время. А парни и девушки водят хороводы. Далеко слышны их веселые песни. Это целая улица веселящейся молодежи. Да и старики рады радостью молодых! И все это нравственно чисто, светло!

Помню, как мать последний раз водила меня в цер-

ковь. Была Троица... Вся церковь – в зелени и цветах, и вокруг нее – всюду цветы. Перелетают с цветка на цветок мохнатые пчелки. Порхают птички на деревьях и заливаются веселой трелью. Все так радостно! Душа ликует! Я шагал рядом с матерью и сливался всем существом моим с окружающим меня солнечным миром. Язык не смел нарушить эту божественную гармонию. Хотелось без конца слушать ее дивные звуки. Боже, как хорошо это было!...

Но вскоре же повеяло новым духом; однажды наша старая учительница вошла в класс, с еще заплаканными глазами, и сказала: «Дети! Мы больше в церковь ходить не будем...», и сейчас же вышла; ее душили слезы... Новой властью строго-настрога было запрещено водить учеников в церковь. Так с тех пор и пошло!... Отныне ее заставили прививать нам безбожие, а через детей влиять и на родителей. Для этого ее срочно вызвали в город для «перековки», как большевики выражаются, и, после того, с готовым уже конспектом на руках она явилась к нам и заговорила:

«Дети, Бога нет!... Попы – обманщики и тунеядцы! Они находятся на службе капитализма, и им выгодно, с целью личной наживы, одурманивать мозги темных народных масс. Октябрьская революция есть свет, который несет великое освобождение всем народам мира от цепей рабства. И «лес рубят, щепки летят»: может быть, у некоторых из вас погибли за революцию отцы ваши, но знайте, что на костях революционных мучеников воздвигается великое здание коммунизма, когда, наконец, все люди станут равными и счастливыми...»

Ах, если бы я смог тогда спросить: а не будут ли дьявольски хохотать на этих костях наши потомки? Ведь коммунистическое общество, как меня учили, будет утопать в сплошном счастье и раздольи; даже такой

обременительной статьи, как семья, не будет, а, вместо этого, будет процветать свободная любовь и прочая веселая жизнь... Так, значит, за этих будущих пошляков и развратников революционные мученики с радостью идут теперь на съедение червям?! Ведь в загробную жизнь они не верят, – это было бы не по-марксистски; и даже нравственность отвергают: «Исторический материализм совлекает нравственность с небесных высот. Мы узнали ее животное происхождение, ... ее покорность не дивному гласу Божию, а реву голодного брюха человеческого». (См. «Коммунизм и Религия», Москва, 1922, стр. 136). И далее: «Нет вечных истин! Все религии и верования произошли под влиянием внешних условий, а, прямее сказать, по велению голодного желудка...» Но тогда и религия безбожия и его детище – марксизм, тоже временного желудочного происхождения! Зачем же тогда миллионы жертв и всякие революционные мученики, если сегодняшняя истина, за которую они умирают, завтра окажется ложью?! Дикари приносили своему ложному богу лишь единичные жертвы, а тут замахиваются весь мир утопить в океане крови и слез. Действительно, у марксистского бога весьма голодный желудок!...

Марксизм также провозглашает: «*Нравственно то, что полезно*». Но людоедство было полезно дикарям, а, значит, по марксизму, оно было нравственно! Да почему бы и теперь оно было безнравственно?! Почему вообще не ограбить или не убить кого-нибудь, если это полезно?!

Но эти логические выводы пришли мне в голову лишь много позже, а тогда я с раскрытым ртом слушал каких-то щеголей, выступавших с антирелигиозными докладами, антирелигиозными спектаклями и т.д. Все это ужасно расслабляло душу. Так вскоре я и

зашагал в ногу с новым веком... Старые люди лишь сокрушенно качали головами, но неизменно получали в ответ заученную фразу: «Да вы – отставшие люди!»

В школе нам преподавали Канто-Лапласовскую теорию построения мира, будто бы совершенно отвергающую Бога. Все было создано самой природой из каких-то самих собой вращающихся туманностей, которые постепенно уплотнялись, становились огненными шарами, затем охлаждались и... возникала жизнь. Как? Откуда?... О, эти вопросы как-то так ловко обходились, особенно под маркой невиданных доселе достижений науки, что мы прямо-таки развешивали уши от удовольствия и не замечали, что это, собственно, не ответ на поставленные вопросы, а какое-то ускальзывание от них. Да, впрочем, для наших учителей это было не столь уж важно! Им важно было, хоть туманностями, как-то все склеить, а об остальном «партия и правительство позаботятся». Да, кстати сказать, детский ум не так уж и разборчив, впитывает все, что ему дают, без проверки и рассуждений; особенно, если тут же превознести его «прозорливость и гениальность», по сравнению со всеми этими «отставшими людьми», как, например, мой родной отец, мать, дяди, тети, не говоря уже о дедушках и бабушках... Да и сама жизнь отныне пошла в таком бешеном темпе, что, право, некогда было и задуматься; тут и учеба, и собрания, и субботники..., а, в общем, и поесть некогда, – все на ходу! Опишу, ради примера, хоть один из советских субботников.

Вот, мы все, профессора, рабочие, студенты, должны были «с социалистическим энтузиазмом» копать какую-то грязную водосточную канаву, чтобы показать Сталину, как мы «жаждем совместного социалистического труда под его мудрым руководством». А

«мудрое руководство» это пребывало тут же с нами, в виде штатных погонял в полувоенной форме, всюду снующих и покрикивающих на нас. Их «внимательные глаза» пронизывали каждого насквозь, а их «внимательные уши» ловили каждое нечаянно оброненное слово. Благо теперь все сразу были перед ними, как на тарелке, и в этом-то и состоял, главным образом, весь фокус этой «социалистической затеи», которой восхищался когда-то сам Ленин.

И вот, я, несчастный, был, видно, слишком еще зелен тогда, и не понимал всей заложенной тут «премудрости», а потому задал одному из погонщиков наиглупейший вопрос: «Нельзя ли мне, товарищ, отметить свой участок?...» «Товарищ» ехидно ухмыльнулся и процедил: «Что ж, можно!» И я усердно принялся за работу, думая, что вот закончу и смогу опять поскорее сесть за книгу. Но не тут-то было!... «Товарищ», видимо, внимательно наблюдал за мной и, как только я закончил свой участок и отер рукой пот со лба, он уже был тут, как тут, и засыпал меня убийственными вопросами: «Откуда это у вас такие индивидуалистические наклонности?!» «Кто ваш отец, мать, дяди, тети, бабушки, прабабушки...? и так до седьмого колена. Я не знал, сквозь какую землю мне и провалиться, а «товарищ» все наседал на меня: «Вот, я узнал, что вы игнорируете и общественные собрания и пр.» Схватив лопату, я начал лихорадочно копать землю, а «товарищ», по-садивски ослабившись, пошел от меня прочь, весьма довольный преподанным всем уроком, или, лучше сказать, социалистической кухней, так как Сталин больше всего печется, чтобы все у него «переварились в социалистическом котле и представляли собой монолитную массу»...

Не лучше выглядело и второе блюдо этой социалистической кухни – общественные собрания, которые

я, действительно, очень скоро возненавидел от всего сердца и избегал, как только мог. Да, видимо, каждому они были тошны, так как один только процесс сбора, или, вернее, вылавливания, обычно продолжался около двух часов (так мы и шутили: «Пишут, товарищ, в 7, приходи в 9, как раз попадешь»), а потом еще несколько часов пустой, нудной, шаблонной говорильни, от которой можно умереть с тоски. Это был какой-то суррогат ежедневного *дьяволослужения* (вместо отнятого у людей и питающего душу богослужения) со своеобразными молитвами, возгласами и заклинаниями перед Сталиным и его мировой революцией. Но, Боже, до чего ж это было плоско и нудно!...

Вот так и побежали годы вкушения «свободной» городской жизни, получения высшего образования, культуры,... всех этих прекрасных плодов «древа познания добра и зла». За все это время меня кто-то куда-то тащил; я куда-то бежал, сломя голову, боясь опоздать хоть на минуту. Я наловчился мигом проглатывать свой скудный обед в студенческой столовой, и опять куда-то бежал, бежал и бежал... Рад был бы остановиться, но какая-то тяжелая рука тащила меня за шиворот все дальше и дальше... О Боге мне некогда было и вспомнить. «Да и стыдно верить в Бога мало-мальски мыслящему человеку», – кричали мне в уши все эти годы. Но какой же это сумасшедший дом теперь в мире без Бога?! спросил я себя, наконец. Звери выглядят куда благороднее: у них, по крайней мере, нет такой распушенности нравов; да они и съедают-то друг друга лишь для пропитания, что выглядит крохами по сравнению с тем, что теперь делают люди! Да что же это такое?! Какому-то иному «владыке» мы все равно вынуждены служить, но он оказался жестоковейшим!... Гонялись за счастьем и свободой, а я готов был бежать на необитаемый остров от такого «счастья»... Душа моя томилась и не находила покоя...

Лишь когда мне удавалось бывать на лоне природы, что-то иное навевала она мне на душу. Да, она поистине храм Божий! Невольно подумает: кто это так мудро все устроил? Даже самая маленькая пчелка совершает такую сложную работу, что ни одному инженеру до этого не додуматься. А как удивительны перелеты птиц; каждая возвращается на следующий год в свое гнездо! Это, говорят, инстинкт. Ну, а что такое инстинкт, и кто его дал?

Да, как мне преподавали, по учению Дарвина, и у человека с обезьяной общий предок, но только с течением времени у человека развился разум и взял верх над инстинктом.. Словом, рассказывалось столько чудес, что можно лишь удивляться: как все это само собой создалось?!

Прошли годы, и вот теперь, вдали от родины, мне суждено было передумать все сизнова. На первый взгляд, кажется, все произошло случайно. Расскажу по порядку.

Перед Рождеством Христовым к нам в лагерь неожиданно приехал священник и начал служить в церкви. Я еще не был ни на одной из его служб, так как, по странной наивности, попросту стеснялся и не знал, что там надо делать, как себя вести... Но один из моих приятелей однажды вдруг спросил меня:

- Почему вы не были вчера в церкви?
- Да я не только вчера, а 25 лет не был, и совершенно не знаю, что бы я там теперь мог делать?!
- Ну, послушайте проповедь, хотя бы! Отец В. говорит проникновенно, и многие даже плачут.
- То есть старики и старухи, хотите вы сказать?
- Нет, плачут и молодые!... Да придите, сами увидите!

Я из вежливости обещал прийти и, конечно, не пришел... Мой приятель журил меня за то, что я не сдер-

жал слова, и задел меня так, что я уже серьезно обещал прийти в следующий раз. Но чорт и на этот раз отвел меня далеко от церкви, и мне поистине было стыдно! «А еще более стыдно, сказал я приятелю, со свиным рылом лезть прямо в церковь. Мне хотелось бы прежде побеседовать со священником». «Отец В. принимает от 10 до 12», сказал он, и покинул меня. Я посмотрел на часы: было ровно 10, и я решительным шагом направился к священнику.

– Вы отец В.?!

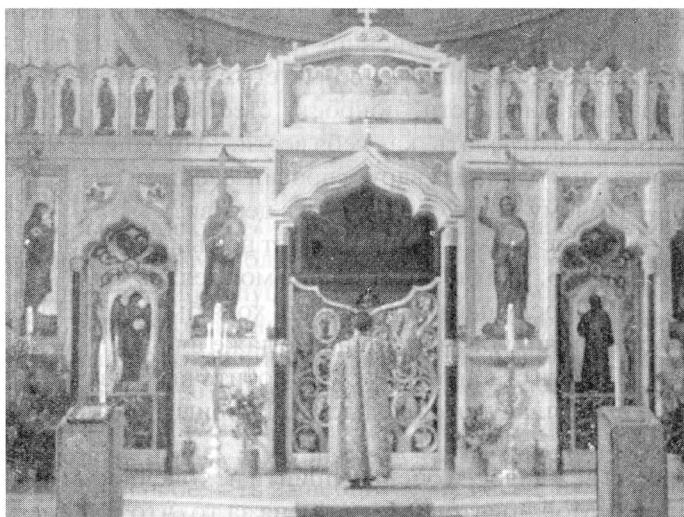
– Да! Пожалуйста, садитесь!

– Разрешите вам лучше сразу прямо сказать, что я не верую в Бога и принимайте меня, такового. Я, собственно, пришел с вами побеседовать!

– А я думаю, что вы на самом деле веруете в Бога, но не отдаете себе в этом отчета. Вам нужно молиться! Знаете ли вы хотя бы «Отче наш?»

– Да, в детстве знал, но теперь забыл.

– Тогда вот вам «Отче наш» и читайте его каждый

раз перед сном. Результат увидите сами. Через недельку зайдите!

Неожиданный оборот разговора так смутил меня, что все мои аргументы перепутались. А священник, кроме того, дал мне прочесть ряд замечательных книг, в которые я так и впился! Я и не подозревал, что духовные книги так интересны. В течение недели я прочел их залпом; так они мне понравились! Удар мне был нанесен сокрушительный. Материалист сразу во мне потускнел. Не забывал я читать перед сном и «Отче наш». Через неделю я стоял перед священником уже другим человеком и говорил бурно и долго. Отец В. мне потом рассказывал по-дружески, что ему тогда было прямо-таки страшно за меня, так как я был похож на одержимого бесом. Однако все сошло благополучно! Я как бы исповедался за все 25 лет, и на сердце стало необычайно легко. Так с тех пор я и зачастил к отцу В., и скоро мы стали друзьями. К концу недели я был переполнен охватившими меня чувствами и недоумениями и спешил поведать их отцу В. Он меня уже ожидал, и я уходил снова облегченный.

Я любил бывать рано утром на горе, в храме, когда там еще никого не было: там была чудотворная икона Богоматери, и рядом – Ее прекрасная статуя, которая мне казалась прямо живой! Я долго простаивал перед ней. Она была вся окружена эмблемами: итальянцы любят обвешивать ими статуи в благодарную память о полученных исцелениях. Не один раз просил и я исцелить меня от язвы душевной: «Ведь если Бог есть, взывал я, то дай мне в Него уверовать. Я, как никогда, страдаю, и ищу чего-то, но это не тоска по родине, – эту я хорошо знаю – а что-то иное»... Уж не знаю, был ли то плод моих грешных молитв, но неожиданно я был приглашен одной благочестивой русской семьей жить вместе с ними. Я очень удивился и одновременно

обрадовался этому приглашению, которое, мне казалось, пришло прямо с неба. Ни в чем я так остро не нуждался, как именно в этом! И как живительно подействовала на меня атмосфера христианской семьи! С первого же вечера они попросили меня читать им вслух Евангелие. Я взял его, дабы лишь не отказать в любезности приютившим меня милым людям, и начал, как чтец-декламатор. Но уже вскоре мой голос почему-то зазвучал более проникновенно. Я никогда в жизни не читал Евангелия, и теперь, после всех книг, которые я когда-либо читал, эта Книга поразила меня одновременно и мудростью и простотой. По многу раз перечитывал я, уже сам, священные страницы и раздумывал над прочитанным. Помню, мне никак не давалась притча «о неверном управителе». «Да за что хвалит Христос этого пройдоху?!» – думал я. Но позже понял, что мы все «пройдохи» в этом мире! Каждый плохо управляет имением, которое доверил ему Бог; а потому, пока не поздно, должен стремиться при помощи благ тленных приобрести нетленные.

И вот интересно; бьешься, чтобы что-то разъяснить в плоскости нашей естественной, земной жизни, ничего не выходит! Но достаточно перенести взгляд немного выше, как сразу все становится на свое место. Тут – те же наши слова и зачастую простые притчи, а смысла в них столько, что, сколько ни читай, всегда найдешь что-то новое. Такую книгу человек написать не мог!...

Вскоре пришло и Рождество Христово... Этот вечер был поворотным пунктом всей моей жизни, и я никогда его не забуду! Вся благочестивая семья приютивших меня людей собралась в церковь... Пригласили и меня... Помню, как сердце мое забилося! Я пришел в необычайное волнение, но мой несчастный

язык сболтнул еще обычное: «Да я не знаю, что я там буду делать?!» А потом, я неожиданно для самого себя крикнул: «Постойте! и я с вами!» Старик-отец перекрестился и сказал: «Свершилось, наконец-то! Я уже начал отчаиваться...»

По дороге он рассказал мне, что когда-то он тоже потерял веру в Бога. Он лишь пил, гулял и совершенно забыл церковь! Но вот пришли к власти новые правители, и он попал в такую переделку, что должен был быть расстрелян. Пред лицом неизбежной смерти он раскаялся пред Богом, и тогда в их камеру смертников вдруг вошла женщина с текстом 90-го псалма и сказала: «Читайте! он не раз спасал меня от смерти...», и вышла. Другие не вняли ее словам и не захотели читать, но он много раз его усердно читал, и не помнит, как блаженно заснул. На утро их всех вывели на расстрел, но вдруг кто-то прибежал и сказал, что его дело будет пересмотрено; его одного направили опять в суд. И что же!... его освободили, – других расстреляли! В годы НЭП'а он начал было вести прежнюю веселую жизнь, как однажды его неожиданно арестовали и сослали в Соловки, где он пробыл уже двадцать долгих лет каторги с псалмом 90-м на устах.

Рассказ старика глубоко взволновал меня!... Я погружился в свои думы и не заметил, как мы уже подошли к церкви.

И, вот, впервые за 25 лет я в церкви. Никогда я не забуду эту светозарную ночь Рождества Христова. Как будто и я снова родился! Хорошо пел рождественский хор, и все мне казалось ангельской песнью. Прямо в сердце врезались слова священника: *Мир всем!* Да, этого-то мира жаждала моя душа все эти 25 лет, и вот где я его нашел!...

Воспоминания далекого детства снова наполнили меня. На глаза навернулись слезы, которых я уже дав-

но не знал. Как бы лопнула мозолистая оболочка моей души, в которой я так долго мучился, и, казалось, что с каждой слезой падает какая-то тяжесть. Как мне стало необычно хорошо!... Видя мое усердие и жаждущую душу, добрые люди охотно взялись помочь мне, и я навсегда останусь всем им глубоко благодарен.

С удовольствием вспоминаю я одного старого доктора, который очень интересно и своеобразно объяснил мне присутствие в нас души: «Ведь, вот же, все клетки организма через 10-15 лет возобновляются, – сказал доктор, – то-есть прежнего тела уже нет, – оно умерло! – но душа с природными умственными и волевыми свойствами остается. Это и есть, если хотите, наше «Я». Таким образом, телом мы за всю свою жизнь умираем несколько раз, наконец, гроб однажды примет его целиком, но душа останется!...»

До сих пор я об этом никогда не думал и чистосердечно признался в этом доктору.

«Ну, так теперь хоть думайте! – сказал он наставительно. – Да уж поразмыслите, кстати, и о так называемых, врожденных стремлениях, как почитание родителей, или о том, что даже самый отъявленный разбойник стремится к какому-то ему понятному счастью и т.д. А кто дал эти врожденные стремления? Только не прыгните при этом на бездушную материю! Уж слишком бы она умна у вас была, если бы случайные сочетания бездушных материальных частиц могли постоянно создавать теперь такие сложные машины, как человек. Да, чтобы вам было наглядней, возьмите, например, два одинаковых листа бумаги и на одном из них поставьте несколько неопределенных палочек и точек, а на другом напишите какую-либо мысль! С материальной точки зрения эти два листа бумаги совершенно одинаковы, не правда ли?!, но с

духовной точки зрения между ними большая разница, так как один из них содержит неуловимую мысль. Научные светила, как академик Павлов, были глубоко верующими людьми, и, к великой досаде большевиков, Павлов до самой смерти «похаживал в церковь», как они выражались. Да и сама современная техника, уж кстати сказать, не явилась плодом суетного ума, но плодом глубокой спокойной мысли, вызревавшей подчас в тиши монашеской обители. Возьмите, например, часовой механизм, этот сгусток человеческой мысли, и вы, очевидно, с удивлением узнаете, что он был изобретен в монашеской келье. Однако, самое главное не это, а то, что перед тем должны были еще пройти века умственно-нравственного развития человека под благодатным воздействием христианства. Теперь большевики схватили технику, как готовый плод, и кричат: мы, мы...!, но они и не подозревают, кому они ей обязаны, и, выступая против христианства, они тем самым рубят сук, на котором пока сидят! Они кричат также, что достижения астрономии идут вразрез со всякой религией и мракобесием!... Но им и невдомек, что для этих достижений астрономии, начиная еще с XVI века, изрядно потрудились католические священники и монахи, и особенно такой «мракобес», как Коперник... Да и не удивительно ли, даже с научной точки зрения, существование христианства в том же самом виде, как оно было установлено его Основателем, вот уже в течение почти 2000 лет?! В наш же век столько выдумывается всяких систем для «осчастливливания» человечества, что от одного такого «счастья» мы бежим теперь без оглядки, куда глаза глядят. Когда Бог хочет наказать, то прежде отнимает разум».

Так по-отечески наставлял меня старый доктор.

С этого времени открылась новая страница моей жизни. Теперь я уже опытом знал, что не все-то в мире кончается одной голой материей! Есть, к счастью, что-то высшее, и к этому высшему душа моя всегда стремилась, хоть я этого и не понимал. Помню, как внутри меня что-то радостно вздрогнуло, когда я впервые узнал, что есть иной реальный мир, что он вечен и для него именно мы и предназначены! Обидно мне стало, что столько лет стояла у меня в ушах одна лишь назойливая антирелигиозная пропаганда, завывавшая, как сирена, и останавливавшая всякую свободную мысль. Недавно попавшийся мне отрывок из книги Д. Мережковского был буквально тем, что и я теперь чувствовал:

«Был ли Христос, в голову не пришло бы спрашивать, если бы уже до вопроса не помрачало рассудка желание, чтобы Его не было. Вору надо, чтобы не было света, миру – чтобы не было Христа. *Мир Меня ненавидит; потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы* (Иоанн 7.7).

Вот почему начатое в XVIII веке помешательство мифоманией (Христос – «миф»), мир подхватил с таким восторгом, как будто этого только и ждал. Знание трудно и медленно, а невежество быстро и легко расходится по миру, как сальное пятно по газетной бумаге.

Был ли Он, знают маленькие дети, но мудрецы не знают: *Кто Ты? Долго ли Тебе держать нас в недоумении?* (Иоанн 8.25 и 10.24).

А все их недоумение заключалось в одной фразе Христа: *Возьми крест свой и следуй за Мной!* Чего они никак не хотели сделать...

Мой друг, отец В. как-то мне сказал:

– Велика цена страданий в очах Божиих, если они облечены не в черную одежду озлобленности и отчаяния, а в белую одежду любви.

Задумался я тогда над всей прошедшей моей жизнью, над всеми перенесенными в ней страданиями и сказал:

– Какой глупой и бессмысленной была бы вся моя жизнь, если бы все перенесенное в ней было бесцельно и никому не нужно! Но, слава Богу, это не так! Тогда я готов страдать еще больше, и не за себя только, но и за всех дорогих и близких, которые еще там, за железным занавесом...

– Вы невольно выразили, как раз сущность социального учения Христа, сказал отец В., так как Он, подлинно, не зовет никого к революции или к сытой зажиточной жизни, но к страданию: *Возьми крест свой и следуй за Мной*, и высшая степень – *страдать за других!*

Да, я хотел страдать за других, хотел служить Христу со всей развязанной у меня большевиками энергией, однако, никак не мог понять, что именно в Церкви происходит это служение! Как ни потрясла меня рождественская служба после 25-ти летнего мрака, но теперь это как-то ушло от меня; я присутствовал на службах с сухим сердцем, или и того хуже: какие-то чувственные мечтания наполняли меня; точно кто-то нарочно нашептывал мне всякую гадость. И, наоборот, когда я бывал один на горе, в храме, то никто и ничто меня не тревожило.

Я стал серьезно сомневаться в важности богослужений. Мой друг, доктор, острил: «А что же вы хотите: дьяволо- или человеко-служения?» Может быть, тут сказывался и отпечаток советских собраний, этих дьяволо-служений. Ведь Христос богослужений не устанавливал, думал я, и это все лишь сами люди выдумали... Очевидно, для уровня этих древних изобретателей это и было хорошо, но, все-таки, теперь, в XX ве-

ке, – веке кино, театра, радио..., это выглядит, по меньшей мере, жалко; и, кажется, никого и не увлекает?! Эти стоящие в церкви люди мне кажутся какими-то маньяками, обманывающими друг друга и себя самих. Меня обычно сразу бросает в какую-то непобедимую зевоту, и, кажется, спина прямо разламывается от усталости, хоть я и здоровый человек... Чудесный же народ эти старушки; выстаивают всю службу, как ни в чем не бывало, да еще частенько земные поклоны кладут! Видимо, для них это, как раз и подходит! А по мне: лучше бы там ставить какие-нибудь духовные концерты, доклады, фильмы,... и тогда это действительно бы всех увлекало и вело к чему-то высшему; а то так, тоска одна! Ведь если б даже самое гениальное художественное произведение ставили в театре без конца, то и то всем бы надоело! А кроме того, мне совсем не нравится в церкви какой-то устаревший дух: слишком уж много там повествуется о том, что случилось «во время оно», когда мы живем в XX-ом веке! В Евангелии, правда, хоть как будто и говорится, что случилось в далеком прошлом, но есть что-то такое актуальное, что на все житейские трудности находишь ответ.

А уж представить себя в долгополой рясе, исповедующим старух и стариков, я и совсем не мог! Сказывалось прежнее воспитание, вселившее в меня непобедимое отвращение к дряхлости, мертвецам, могилам... «Фу, какая мерзость, думал я, уж лучше заранее покончить с собой!»

Однако, важно уже было то, что очами веры я, казалось, заглядывал в какой-то неведомый мне доселе мир. – Как жаль, что до сих пор мне никто его не показал! Неужели не могли бы христиане как-то дать знать всем людям о чудесном открытии, которое, по милости Божией, они сами сделали?! Неужели мы не

можем использовать для этого и радио, и кинематограф, и печать, и живое слово – идти из города в город, из деревни в деревню, и нести благую евангельскую весть всем, кто, может быть, бессознательно ищет ее?! Духовная жизнь не терпит пустоты, и потому столько молодежи в России было согласно идти на жертвы ради коммунистического идеала, думая, что в этом благо человечества. Ах, если бы эти люди, так легко приносившие себя в жертву ради этого ложного идеала, могли бы теперь познать *свет Христовой Истины!* Ведь после всех их жертв у них останется только горечь разочарования и пустота душевная... Ну, кому нужны их подвиги и зачем? Им они не нужны, так как в прах они обратятся и с подвигом и без подвига! Тогда, может быть, их потомкам они будут нужны? А им зачем? Как будто они не тот же прах, что и мы?!

Нет, нужно обязательно организовать всемирную христианскую пропаганду, употребив для этого все современные средства техники; надо буквально зажечь мировой христианский пожар, в противовес коммунистическому! Перекричать большевиков! Перехлестнуть их тиражем изданий! Все дело в этом, казалось мне...

Но однажды, читая Евангелие, я задал себе вопрос: почему Сам Христос не пришел в мир в век усовершенствованной техники, а двадцать веков тому назад, то есть, когда еще не существовало ни печати, ни радио, ни кинематографа?... Почему Он провел столько лет в небольшом городке, никому неизвестный, в труде, послушании и молитве?!... И учеников Своих Он избрал не среди самых ученых и влиятельных людей, а призвал неграмотных рыбаков и им поручил распространить христианство по всей земле. И, чем больше я вчитывался в Евангелие и послания апостольские, тем яснее становилось мне, что распространение хрис-

тианства зависит не только от техники и всякой человеческой мудрости, но и от чего-то иного, мне еще неизвестного! *И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией* (1 Кор 2.4-5). Так писал апостол Павел и он, должно быть, был прав! К мнению апостола Павла у меня было особое уважение после того, как я прочел, сколько он претерпел для распространения учения Христа: *Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно присмерти* (2 Кор 11.23). Вот этот человек, действительно, поработал серьезно, заключил я; но он же говорит, что мудрость в Кресте, что он хочет знать только Христа распятого; удивительный этот апостол!...

А любимый ученик Христа говорит: *...победа, победившая мир, вера наша* (1 Иоанн 5.4). Да сам Христос, прежде чем исцелить кого-либо, обыкновенно спрашивал: *Веришь ли ты?* И современный растлевающийся мир, несмотря на свои армии и международные договоры, если хочет исцелиться, должен ответить Христу: *Верую, Господи, помоги моему неверию!* Кто пережил коммунизм, тот на опыте это познал лучше, чем многие другие. И, чтобы бороться с этим злом, одни лихорадочные человеческие усилия и все внешние средства недостаточны! *Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего* (Иоанн 15.5). То есть Он хочет самого тесного с Ним единения; надо стать буквально орудием Божиим!

Во время этих размышлений меня однажды сильно поразил образ Божьей Матери. Ведь, кто был ближе к Богу, чем Она? И, однако, Она, как будто, ничего

не совершила с человеческой точки зрения, чтобы распространить учение Своего Божественного Сына. В жизни Ее не было пропаганды, но было великое послушание Богу: *Се раба Господня*; была верность Христу: *У Креста стояла Мать Его* (Иоанн 19.15); была любовь к людям: Она спешит на помощь Елисавете; по просьбе Ее, Христос совершает чудо в Кане Галилейской. Про Ее жизнь можно сказать, что Она жила, трудилась и страдала для Бога и в Боге, а теперь по молитвам Ее, совершаются чудеса во всем мире!

*Св. Тереза
Младенца Иисуса,
защитительница
апостолата
в пользу России*

Однако, я, наверное, уж слишком усердно размышлял, так что про меня в лагере стали поговаривать: «Да он, кажется, сошел с ума; нигде его с нами не видно; все ходит с книгой, один, задумчивый...» Как хорошо сказал св. ап. Павел: *Мы безумны Христа ради.* Тем не менее, временами мне и самому казалось, что голова моя не выдержит этой напряженной работы, и все перемешается в ней. Да и внешность моя даже мне самому внушала тревогу! Ну, прямо точно вчера только из ада выскочил, и, казалось, «чортом еще попахиваю»; а внутри меня ревет еще огненная буря!... Будто, все силы ада поднялись, чтобы не выпустить свою добычу. Я изнываю!... Я, кажется, невпопад отвечаю на назойливые вопросы, да, в сущности, и не слышу их... Я весь во власти своих дум... Меня все сверлит одна мысль: *Что же мне делать?!*

Но Промысл Божий вел меня своими путями: вскоре я оказался в лагере, окруженном до небес проволоками, пулеметными вышками, прожекторами и прочей современной техникой; «куда и птица не залетит», как выразился один мой приятель. Это была ловко подстроенная мышеловка, в которую периодически заталкивали русских людей, чтобы насильственно выдавать их Советам. Вот так однажды и за мной эта мышеловка вдруг захлопнулась... Я стою в толпе женщин, стариков и детей и ничего не понимаю. Воля была совершенно подавлена... Многие плакали, оглашая воздух глухими сдавленными рыданиями... Вот оно, горе-то народное!... Когда же я осознал себя в положении мыши, то воля рванулась назад, за проволоку! Да что я, мышшь что ли, в самом деле?!...

Ясно стала передо мной безотрадная Русь под игом безбожия, где отдельный человек не стоит ничего! Там, якобы, творится лишь «общее благо»; но ведь общее благо, не есть ни действительно *общее*, ни дей-

ствительно *благо*, если для осуществления Его хоть одна человеческая душа ставится ни во что. Как хорошо сказал Соловьев: «Истинное общество есть опора и восполнение, а не ограничение отдельной личности! В свою очередь истинная личность, самостоятельная и самодеятельная, не может быть разлагающим элементом для здорового социального тела; она его образующее начало, живая сила, превращающая людское стадо в истинно человеческое общество».

А русский народ как раз и превращен теперь в стадо, куда под этими пулеметами надлежит и мне вернуться, как «заблудшей овечке». Так значит, несмотря на культуру и технику, люди стали варварами! Мир без Бога! Человек захотел сам стать богом! Тогда сразу и появились эти «мышеловки», можно сказать, *для инакомыслящих*. И уж какая тут может быть речь о свободных усилиях человечества, о которых так любят поговорить в наше время?!...

Мало кто верит теперь во что-либо святое, а без этого жизнь стала постылой и просто бессмысленной! Ну какой толк «осчастливливать» человечество, если это лишь прах земли? Хорошо ли кто жил, или плохо, все равно конец для всех один – *смерть!* И много ль мы тогда разнимся от червей, унаваживающих землю?!...

А если человек – червь, то это отнюдь не «звучит гордо», как о том кричал когда-то известный пролетарский писатель (Горький). Да, собственно, этот писатель, посетив Соловки, так и не вразумился, и писал нечто хвалебное о том, как, видимо, хорошо там ползать людям в проволочных клетках... Ну, Бог с ним! Но к чему же тогда все эти «*мудрые*» системы, играющие на желании обладать земными благами и никогда их не дающие?!...

Однако, мне пора было практически что-то де-

лать!... Четыре месяца голода и холода в этой мышеловке сделали свое дело! Я стал точно дряхлый старик: ноги с трудом передвигались, ничем непобедимая слабость во всем теле...; сказывался и тяжелый немецкий плен...

А умирать все же не хотелось, да еще таким жалким образом! Только вчера повесился в пустом сарае подобный мне бедняга, едва выживший немецкий плен... Висит, как сосулька, на коротком обрывке веревки с исхудалым тонким лицом, на котором запечатлелась обида и укор всему современному человечеству. Рядом стоит полицейский, не допуская снять труп до приезда господина коменданта, хоть, быть может, и можно еще было спасти несчастного. Вскоре выскочил из-за палаток «Джип», откуда важно вылез человек с крючковатым хищным носом, одетый в щегольскую военную форму, с многочисленными наградными знаками через всю грудь, равнодушно произнес: «О'кей»..., и укатил во-свояси... Ему-то что?!!

А меня тревожила мысль: где теперь душа этого несчастного?! Неужто и я когда-нибудь не выдержу?!... Я внутренне вздрогнул при мысли об аде... вот так, наверное, как листья с деревьев, и падают туда погибшие души, пронеслось у меня в голове. Как мне жалко стало их и себя самого!... А из жалости выросло в душе нечто самоотверженное, желание как-то спасти их! Могила, исповедь, дряхлость..., все это мелькало в моих мыслях, но уже в каком-то новом примирительном свете. Ведь исповедь – это великое дело – избавление людей от ада! А ведь туда, наверное, попадут те, которые умирают в грехах, без покаяния... *Где же священники, которые могли бы их исповедывать?!...*

Да, теперь в двадцатом веке, в век культуры и техники, все хотят быть инженерами, изобретателями, докторами..., но только не священниками! Это, как

будто, уж отжило и никому не нужно... Но ведь без священников и покаяния под каждым зловеще зияет ад; и там ни инженеры, ни доктора не нужны! Еще десяток лет, другой, третий..., а потом что?! Заметил ли я, как прормелькнули в вечность уже прошедшие десятилетия?!... Так и еще сколько-то,... а потом?... *Смерть!!!* Бойся ее или не бойся, она неизбежна!... Так не лучше ли с нее и начинать думать?! Тем более я еле передвигаю ноги и выгляжу, как говорят, «краше в гроб кладут». Многие мне советуют на что-то решиться, ну, я и решился!...

Был как раз праздник святых Косьмы и Дамиана, и, помолившись этим святым, в 12 часов ночи я двинулся к проволоке с одним из добрых приятелей. «Я иду до конца: на свободу или на тот свет!» – предупредил я своего спутника. «И я тоже», – прошептал он, и мы поползли... Заморосил дождь... Как мы обрадовались этому блаженному дождю, лежа в воде и грязи, так как видимость сразу уменьшилась. Внутренняя полиция забилась на кухню, а внешняя – на пулеметную вышку. Надо было не упустить эти драгоценные минуты и мы отчаянно резали генеральные стены проволок. Каждый щелчек кусачек болезненно отдавался в сердце; ведь кто-либо из часовых мог ежеминутно прийти, и... тогда все пропало!

Но вот мы уже преодолеваем четвертый вал проволоки, бежим через свободную световую полосу, и на пятую проволоку попросту прыгаем и переваливаемся через нее, оставляя на ней клочья одежды и капли крови... К счастью, ранения были небольшие, и вот мы, в кромешной тьме, уже увязаем в раскисшей от осенних дождей почве. Мозг сверлит мысль: «Собаки, собаки!» Но ни выстрелов, ни собак не последовало!... Значит, не заметили... Спасибо вам, святые Косьма и Дамиан!!! Я теперь всегда молюсь этим святым!...

Первое сознание свободы захватило дух, и мы с приятелем облобызались от радости. Теперь надо было избегать шоссе и людей! Всю ночь мы блуждали по каким-то полям и вдоль каких-то рек, но к утру выбрались-таки на железную дорогу, привели себя в относительный порядок и сели в поезд, шедший в Рим. Мы все еще не верили, что мы свободны, и каждый раз, при виде человека в форменной одежде, мы чувствовали, как у нас болезненно сжимались сердца. Но Бог хранил нас!...

А судьба наших несчастных сотоварищей, оставшихся в этом злосчастном лагере, была иная. Однажды их вдруг оцепили танки, радиоустановки и прочая современная техника... Бедняги заволновались, но было уже поздно!... Вскоре они были прижаты к вагонам, которые должны были доставить их на «Родину» (какая была тут ирония в этом священном имени!). В отчаянии они оказали последнее сопротивление, но что они могли сделать против автоматов?!... По ним дали залп, и несколько десятков несчастных осталось лежать на месте!... Остальных подавленных и безвольных затолкали, как скот, в вагоны, вбросили туда и убитых (очевидно, для подсчета «скальпов»), и запломбировали...

Товар готов, платите деньги!...

По пути в Вену, покончили с собой еще несколько десятков несчастных, и многие сошли с ума...

Как не дрогнет сердце, если только лишь услышать о столь вопиющих зверствах?! А ведь я был там, страдал и надеялся вместе с этими отверженными несчастными; они перенадеялись, бедненькие! Петя, Миша, Ваня, Коля!... Я зарыдал...

А мы с приятелем относительно «счастливые», полуизорванные, в грязи, без всяких средств к жизни,

30

даже не зная языка, появились в чужом городе, – в столь прославленном древнем Риме, – чтобы как-нибудь уехать за океан, подальше от насильственных репатриаций и Европы!... Где попало спали, где попало питались, и все упрямо добивались лишь одной цели: поскорее уехать за океан! Наконец, мы этого добились и ждали лишь парохода... мой приятель, действительно, и уехал! А мне Провидение своеобразно указывало на другой путь, хоть я и был весь во власти лишь одной думы – поскорей вырваться из Европы!

Но человек предполагает, а Бог располагает! Помню, еще как только я оказался на римском вокзале, у меня как-то по особому забилося сердце, и родилась странная уверенность, что здесь я буду долго!... В глаза бросилось множество древних развалин, но еще более всяких ряс – черных, красных, фиолетовых.... Я почему-то, не отрываясь, смотрел на них; я видел молодые веселые лица семинаристов, и они меня как-то притягивали!... Мне хотелось прямо-таки заглянуть в их души! Что это за духовная армия передо мной? Как они вступили на этот путь? Неужели они и в лагерях никогда не сидели?! Да, судя по их веселым лицам, кажется, нет!... Я смотрел на них скорее машинально, и совершенно не подозревал тогда, что Христос за тем только и направил меня сюда, чтоб я стал одним из них!...

Опять-таки все произошло как-будто случайно; мне вдруг объявили, что с паспортом «Красного Креста» в Парагвай больше не пускают, и нужно доставать «Нансеновский паспорт». До сих пор меня еще что-то поддерживало, но это было последней каплей, переполнившей чашу страданий, и день ото дня я стал заметно угасать... Прохожие с ужасом сторонились меня, как выходца с того света, или как кандидата на тот свет!... Да, действительно, вскоре бы я появился там

и без «Нансеновского паспорта», если бы не подобрали меня в свой дом добрые христиане и не окружили теплой заботой!... Я не знаю, собственно, за что мне больше благодарить их: за выздоровление тела или за *исцеление моей оледеневшей, напуганной, измученной души?* Доктор регулярно делал мне уколы и говорил: «От природы сложен он крепко, и, наверное, еще выживет!» И он оказался прав: через три месяца мой организм победил преждевременную дряхлость и пошел в гору! Появился страшный аппетит: я готов был с удовольствием съесть вола, но меня благоразумно удерживали. Так меня и выходили!...

Я, как с того света, снова вернулся к жизни, но уже не для того, чтобы жить для этого брэнного мира! Теперь я смотрел на него новыми глазами... Перегорев в горниле страданий, я стоял перед Богом, как бы новой тварью, точно меня заново крестили. Во мне все усиливалось желание целиком посвятить себя служению Богу и людям. Но одно – желать, а другое – делать! Меня все удерживали какие-то крепкие нити с полуистинами, предубеждениями и прочей рухлядью; чтобы порвать с ними, потребовалась душевная ломка, о которой я и намерен теперь рассказать.

Во мне боролись главным образом два чувства: с одной стороны, я, как никогда, чувствовал свое ничтожество и свою греховность; кажется, если б Христос предстал вдруг предо мной, я мог бы только сказать Ему слова апостола Петра: *Господи, отойди от меня, я – человек грешный*; а с другой стороны, я все больше чувствовал нужду в каком-то очищении, даже в каком-то новом страдании, без которого, мне казалось, я не мог приблизиться к Богу; словом, хотелось все бросить и следовать за Христом! Каждый раз, когда я читал в Евангелии: *Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в*

жизнь вечную (Иоанн 12.25), то мне становилось как-то не по себе, и, казалось, Он говорил мне: *Возьми крест свой и следуй за Мной!* Эти слова особенно приводили меня в смущение... Порой мне хотелось, чтобы их совсем не было в Евангелии! В них звучало для меня что-то страшное и неумолимое! Но заклеить их я не мог, как мне советовал один мой товарищ, очень недовольный тем, что потерял хорошего партнера для игры в шахматы.

Мало я видел счастья в жизни и потому тем более временами жаждал его всей душой! Всю горячую молодость прожил я голодным студентом, лелея надежду, хоть когда-нибудь зажить порядочной жизнью, которая, мне казалось, вся заключалась в рамках семейного идеала, и вдруг... идеал мой вдребезги разбился о скалистые берега века сего... И сам я стою теперь весь мокрый, потрясенный и разбитый... Конечно, я готов был сделать все, чего бы Христос ни потребовал от меня, но сердце как будто обливалось кровью при мысли, что действительно придется всем пожертвовать: *умереть для мира, чтобы принести плод...*

Но отступить назад я уже не мог; таков уж мой характер! Всегда мне трудно было остановиться на полдороге... Прав был Достоевский, когда писал, что если русский человек открывает новое поле деятельности, то он всегда хочет дойти до последних границ его! С тех пор, как я сделал открытие, – что в Евангелии содержится все необходимое для души человека; что смысл жизни может быть только в том, чтобы следовать заветам Христа, – религия представилась мне поистине *«единым на потребу»*, и вся остальная человеческая деятельность – лишь поверхностной суетой, не достигающей до глубины нашего существа. Занимаясь теперь чем-либо другим, я уже не смог бы быть вполне счастливым; да и не в моем счастье тут было дело!

Если бы было много учеников у Христа, много христиан, распространяющих слово Божие, то мне бы, вероятно, и не пришла бы в голову мысль быть Его благовестником! Конечно, лучше было бы предоставить духовное делание людям более достойным, не носящим в душе отпечаток коммунистического воспитания... Но, к великому сожалению, делателей так мало, а жатва душ так велика на просторах родной земли, что я не мог остаться равнодушным! Страдания народа переполняли и меня. Отныне я жаждал как-то помочь ему...

Однако, такое решение я не мог принять самостоятельно, особенно после того, как прочел у апостола Павла: ... *никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как Аарон (Евр. 5.4).*

И Христос тоже говорит: *Не вы меня избрали, а Я вас избрал, и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал...* (Иоанн 15.16).

Долгое время я провел, как в потемках, не зная, чего хочет от меня Бог. Искал поддержки у людей и не нашел! Вот уж, подлинно, в такие моменты Бог как бы предоставляет человека его собственным силам. Я решил ничего не предпринимать и только взывал, как слепой в Евангелии: «Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя!» «Господи, чтобы мне прозреть, чтобы мне познать волю Твою...» А

*Архиепископ Александр
рукополагал во священники*

временами я и молиться не смел; все мои желания казались мне безумством; или мне представлялось, что вдруг, как Иуда, я предам Христа, или мне страшно становилось при мысли, что Христос действительно услышит меня и потребует всем пожертвовать ради Него.

Во время этого тяжелого периода единственным утешением для меня была Божья Матерь... Да, к Ней мне почему-то не страшно было взывать. Я смутно чувствовал, что Она и моя Мать, которая все понимает, что происходит в моей душе..., понимает и сочувствует!... Она стояла у креста Своего Сына на Голгофе, а теперь в моей душе тоже происходила борьба не на жизнь, а на смерть; и, казалось, у моего креста Она тоже стоит, поддерживает меня и учит говорить Богу: «Се раб Твой!»

Однажды, в воскресенье, я пошел с одним из моих знакомых в церковь, находящуюся недалеко от вокза-

ла. Он туда довольно часто хаживал и говорил, что богослужения в этой церкви хорошо действуют на его душу. Мне в этой церкви служба и пение тоже понравились: служба шла чинно, хор пел хорошо, и все, как в настоящих русских церквях. Но меня сразу поразило, что одновременно молятся в этой церкви и о Папе Римском, и о многострадальной стране Российской, а хор провозглашает еще многолетие православным христианам. Выйдя из церкви, я сразу спросил об этом моего спутника. Он мне ответил: «Да не все ли тебе равно?! Я на это так смотрю: раз в этой церкви хорошо молиться, то стоит в нее ходить; а там пусть кого угодно поминают, за исключением Сталина, конечно. Безусловно досадно, что между христианами существуют такие разногласия, и они много энергии и времени тратят на то, чтобы доказать, что именно «я прав». Из-за чего они не поладили, я понять не могу! Уж лучше как-нибудь сговорились бы между собой, и сообща несли бы Бога изголодавшимся душам. Вот, говорят, в концлагерях, под каблуком Сталина, они друг друга лучше понимают, и находят-таки общий язык, чтобы славить единого Бога. Ну, а когда на воле, то сейчас же забавляются, – таковы уж люди!»

С точкой зрения моего спутника я был, пожалуй, согласен, однако, мне все-таки хотелось раскусить, в чем тут было дело: если эти богослужения тонкая подделка, и тогда, надо признаться сделана она, действительно, ловко, – все, как по-нашему, и многострадальную Россию еще сюда приплели; или же действительно, как-то согласовали, то, что мне казалось противоречивым?! Побывал я еще два-три раза в этой церкви, и во мне все усиливалось впечатление, что тут не просто подделка! В молитвенных возгласах некоторых священников, да и в пении молитв, звучало что-то искреннее, трогательное душу! Несомненно слова эти про-

износились для Бога, а не на показ присутствующим! И, когда моя мысль начинала рассеиваться, эти возгласы и песнопения снова как бы призывали меня сосредоточиться, напоминали, что церковь – дом Божий!... Однажды, на богослужении, я несколько раз задавал себе вопрос: может ли этот священник служить неискренне, без убеждения, когда на вид служит так благочестиво? Ведь, в таком случае, он годился бы в артисты Художественного театра! И мне очень захотелось рассмотреть его поближе. После службы я не вытерпел и, когда он вышел из алтаря, решительным шагом подошел к нему и спросил: «Когда я с Вами могу поговорить?» Он меня пригласил на следующий день в Руссикум, семинарию, находящуюся рядом с церковью.

Слово «Руссикум» я уже слышал! Советская печать не раз отзывалась о нем в самой нелестной форме; да и сам Ем. Ярославский, этот корифей безбожия, что-то уж очень горько жаловался на Руссикум, и кричал, что цель *Союза Воинствующих Безбожников* – не допустить признания Папы Римского со стороны православных (см. *Коммунист. Рев.*, июль 1929 г.). Откуда у большевиков столько беспокойства об этом, казалось бы, скромном заведении? невольно спросил я себя, переступая порог Руссикума. На всякий случай я был настороже, так как считал ниже собственного достоинства, выбравшись из разных мышеловок, попасть теперь еще в мышеловку для душ, да еще с каким-нибудь политическим оттенком, надоело все это! Хотелось душевного спокойствия.

Когда я вошел в Руссикум, в вестибюле царил полумрак: он был освещен одной лампадкой, горевшей перед большим образом Спасителя. В приемной, куда меня ввели, тоже горела лампадка перед образом Божией Матери. Ей я и помолился, чтобы Она вразуми-

ла меня и не дала моей исстрадавшейся душе впутаться в какие-нибудь духовные сети.

Скоро пришел священник, и начался наш разговор. Я хотел сразу вывести дело на чистую воду и без обиняков поставил ему вопрос: «Как же вы в вашей церкви и о Папе Римском и о православных христианах молитесь? Конечно, легковверные души поймать таким образом можно, ну а с человеком, у которого за плечами всякие переживания, вам будет нелегко! Я много разговаривал с серьезными православными людьми, а теперь вот зашел и к вам побеседовать, чтобы раз навсегда выяснить этот вопрос не только для себя, но и для многих других моих братьев. Вы католики, кажется, попросту ловите тут на перепутьи бедные русские души?!»

Задав вопрос, я смотрел на него в упор, стараясь уловить малейшее движение фальши на его лице и в его ответах, и приготовился сразу дать отпор, если он будет говорить агрессивно о русских или о православных вообще. Но ни того, ни другого уловить я не смог! Священник говорил спокойно и, я сказал бы, даже смиренно, чего я никак не ожидал! Иногда, правда, вдруг повышал голос и ставил ударения на словах, которые с большим успехом могли бы обойтись и без «оних», – курсов дикций он, очевидно, не проходил, как агитпропы, – но, в общем, он говорил хорошо, слова его проникали мне в душу! Он объяснял мне:

– Христос основал одну Церковь для всего мира, и поэтому Церковь носит название Вселенской, Кафолической (это лишь различные переводы одного и того же греческого слова «Кафоликос»); и в то же время ее называют православной – Православно-Кафолическая (или Кафолическая) Церковь. Лишь после печального разделения Церквей люди умудрились даже название поделить пополам, и одну часть условились

называть Православной Церковью, а другую – Католической. Однако, в русских церквях в первую неделю Великого Поста (Неделя Православия) торжественно произносится «Анафема» всем тем, кто не следует кафолической вере. Выражение Православно-Кафолическая не раз встречается и в Катехизисе Митр. Филарета. Но к слову «Католическая» прицепилось в течение веков много предрассудков, и Католичество стало означать для многих русских как бы иную веру...

– А разве это не так?!

– Нет, не так! Христос, основавший единую Церковь, тем самым сделал ее родиной всех народов и всех христианских культур. Христианские традиции Востока и Запада должны сочетаться в Ней...

– То есть так сочетаться, чтобы латинство проглотило все остальное?!

– Нет, совсем не так! Все, что создал Бог, прекрасно! И раз Он создал разные народы, психологически отличающиеся друг от друга, то и в этом тоже мы должны видеть красоту и богатство Церкви, и ценить их так же, как и Ее единство. Под словом «Вселенская» я понимаю не только всемирная, распространенная повсюду, но и духовно вселенская! Чудесный пример тому мы видим в день основания Церкви – в день сошествия Святого Духа на апостолов. Собравшиеся в Иерусалим на праздник Кущей все тогдашние народы удивляются: как мы, *Парфяне и Мидяне и Еламиты...*, *Критяне и Аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих!*... Это и есть символ того, что должно быть в Церкви! Мы все должны сохранить наш язык, нашу национальность, и должны стараться развивать те особые положительные качества, которые Бог дал каждому народу. Но это не должно нам мешать *единодушно* хвалить Бога, и это именно прославляет Его! К сожалению, немало

В «Руссикум» принимают и теперь священников с Востока, желающих углубить свои богословские знания, в особенности тех, кто желает работать, чтобы все были едино. (Via S. Cattaneo 2, I – 00185 Roma).

христиан, даже католиков, имеют «провинциальное мировоззрение». Им кажется, что их поместный подход к Богу самый лучший, и лишь только они замечают у других народов что-либо чуждое их духу, то сейчас же им хочется это критиковать и находить, что это христианство низшего сорта. Но в мире всегда будут заблуждения, люди всегда будут несовершенны! Главное то, чтобы стремиться к соединению всех народов в единой Вселенской Церкви: *Да будут все едино!* Много трудностей перед нами, но разве они должны нас останавливать? *Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся.*

– Но вам все-таки хочется, чтобы объединение христиан обязательно было вокруг Рима?! Почему бы, например, не сделать его вокруг Константинополя или в будущем вокруг Москвы?! А еще бы лучше не привязываться ни к какой материи и передать управление Церкви собору епископов, и *Дух Святый наставит их на всяку истину!*

– Христос не поручал людям изобретать единство Церкви! Основывал Свою Церковь, которая должна была быть единой для всех народов, Он не мог не позаботиться Сам о каком-то критерии, благодаря которому добросовестные христиане могли бы распознать истину! Иначе, сколько людей, столько и мнений по этому важному вопросу!... Ведь Он предсказывал, что будут лжепророки, что они постараются соблазнить Его учеников...

Мы, католики, верим, что, по воле Христа, апостол Петр стал первым архипастырем Церкви Христовой и что папы – его преемники. Да не только католики, но и православные этому верили, верными свидетелями чему являются не современные полемисты, а православные богослужебные книги.

Загляните хотя бы в месячные Минеи! Православная служба 18 февраля – *Иже во святых отца нашего Льва, Папы Римского: Петра верховного престола наследник был еси... Петра честнаго преемник и сего начальством обогатился... Уста заградил еси еретикам... Глава Православная Церкви* и т.д. И отцы IV Вс. Собора (Халкидонского, 451 г.) сразу склонили главы свои пред его отеческим посланием и восклицали: *Устами Льва говорит Петр.*

Таким образом получается нечто противоречивое: почитать православными святыми пап – Льва Великого, Григория Двоеслова, Келестина, Агафона, Мар-

тина, которые верили и учили, что папы – преемники апостола Петра и что Петрова кафедра недоступна какой-либо ереси, и в тоже время обвинять пап и вообще католиков в гордости и лукавстве, потому что они исповедуют эту истину. «Из двух одно, как сказано в одной прекрасной русской книге «О Церкви»: или, держась учения о недоступности Петровой кафедры всякой ереси, Лев Великий держался присущего Церкви учения и тогда все сказанное о нем Церковью законно и правильно, и само учение о безошибочности – непреложная истина; или верить в недоступность Петровой кафедры ереси есть нечестие, и тогда Церковь, выставляя Льва столпом и наставником православия, обличает собственную несостоятельность».

Потому понятно, что мы, католики, так постоянно и твердо доказываем, что папство есть установление Главы Церкви – Христа. Бывает, правда, что мы, особенно в виду постоянных нападок безбожия на папство, иногда увлекаемся в наших беседах, и уделяем вопросу об иерархическом строе Церкви слишком много внимания, оставляя в стороне и не разъясняя, как должно, то, что лишь Христос есть единственный Глава Церкви. Бывает и другое: некоторые католики, недостаточно знакомые с учением своей Церкви, излагают и освещают вопрос о папстве неправильно, односторонне и неумело; так что иногда может получиться впечатление, будто, по нашему учению, папа может, вопреки церковному преданию, приказать считать за истину все, что ему вздумается!... Все это, конечно, совершенно неверно! Вековые предрассудки разделяют нас; с обеих сторон накопилось много несправедливостей и обид, – таковы уж люди, – а потому и усилия к соединению должны быть с обеих сторон...

– Ну хорошо, сказал я, до некоторой степени обезоруженный объяснениями, но еще не убежденный, –

доводы ваши подтасованы хорошо; я еще желторотый цыпленок перед вами во всех этих запутанных вопросах, но если вы говорите, что у нас много хорошего, что у нас с вами много общего, и что народы должны соединиться во единой Вселенской Церкви в чувстве братской любви, то почему же вы ищете не только сближения между христианами, а стараетесь их перетянуть в вашу Церковь, что, безусловно, очень вредно для Православной Церкви?! Я уверен, что вы и меня хотите перетянуть к себе!...

Священник с грустью посмотрел на меня и, немного помолчав, сказал:

– Для вашей души я хочу только того, что хочет для нее Бог, находящийся сейчас между нами! Если я смогу помочь вам приблизиться к Богу, стать более верующим православным христианином, то и слава Богу! Если же Бог даст вам благодать понять еще и важность христианского единства, то, я уверен, вы возгоритесь желанием исполнить волю Господню: *Да будут все едино!* И несомненно Бог способствует встрече между нами, именно, для этой цели, чтобы мы друг друга лучше познали, и чтоб каждый со своей стороны работал для сближения. Для соединения христиан необходимо, чтобы было много православных и католиков, распространяющих правильное понимание этого единства в своей среде. Однако, бывают случаи, когда, подчиняясь влечению благодати Божией, православные присоединяются ко Вселенской Церкви уже теперь; и это призвание, хотя порой и очень трудно, вместе с тем прекрасно, особенно если эти люди понимают и ценят свои родные христианские традиции и живут ими! Может быть, никто не сделает так много, как они, для уничтожения предрассудков западных христиан о восточных, и восточных о западных!

Приносят ли они этим вред Православию? Конечно, нет!!... Здесь уместно напомнить, что для каждого христианина законом является исполнение воли Божией, а не иное что-либо. Если *Да будут все едино!* не пустой звук, то все христиане должны осознать, что Церковь Христова одна, она их Мать! Она вскормила их душу и поддерживает ее на жизненном пути! Таинства и благодать, которые они получили, это духовные сокровища, дарованные Христом Вселенской Церкви, а не какой-либо из поместных церквей! С другой стороны, между Вселенской и поместной Церковью противоречия быть не может: поместная Церковь – это облик, который принимает Вселенская Церковь в той или другой стране...

Теперь, даже, если мы рассмотрим вопрос только с точки зрения Русской Церкви, то я глубоко убежден, что соединение с Римом будет для нее великим благом! Если духовные ценности восточного предания и русского народа приобретут вселенское значение, то русские христиане сделают много полезного для распространения света Христова среди восточных народов Ближнего и Дальнего Востока. Соединение будет для Русской Церкви не порабощением, а освобождением! «Очищением от византийской пыли», по выражению Соловьева, освобождением от подчинения государству, которое парализовало ее, как общественную силу, по мнению других русских писателей. И тогда Россия сможет исполнить ту великую духовную миссию, о которой мечтали многие русские мыслители и подвижники, и в которую продолжает верить многие из лучших сынов России! Я тоже, хоть и не русский, верю в нее!...

Слова священника я слушал с какой-то внутренней радостью, но только, когда он упомянул, что он не русский, я, как будто, очнулся от приятного сновиде-

Хор Руссикума (семинаристы)

ния, и опять какое-то недоверие проскользнуло у меня в душе...

– Все это хорошо, но вот вы говорите, что вы не русский, и то, что вы называете восточным обрядом, по-видимому, не ваш родной обряд?

– Да, раньше я принадлежал к латинскому обряду...

– Ну так, вот, если вас заставили переменить обряд для того только, чтобы привлечь этим русских, то не случится ли через некоторое время, что вас заставят вернуться обратно в латинство вместе с наловленными душами, и не в этом ли состоит весь ваш фокус?!

– Нет, принять восточный обряд меня никто не заставлял! Наоборот, мне даже пришлось преодолеть много трудностей, чтобы дойти до желанной цели: работать над тем, что, по глубочайшему убеждению, считаешь теперь *единым на потребу!* Многие старались меня убедить, что это слишком «оригинальная

затея». Я долго об этом размышлял и усердно молился Богу, пока не убедился, что Он меня действительно призывает к этому служению. Я много читал, особенно Достоевского и Соловьева, и был поражен глубиной и богатством русской души. Народ, давший миру таких великих подвижников, как преподобный Сергей Радонежский, Серафим Саровский и дивный сонм других Божиих угодников, таит в себе необычайную силу.

Великий русский народ должен еще сказать свое последнее слово перед Богом! Иначе бесцельно было бы его существование и те великие страдания, которые он теперь несет. Ведь не призван же он, в конце-концов, лишь украшать своими костями чьи-то дикие затеи!?!... Что же касается нас, иностранцев, то, конечно, это, до некоторой степени, ненормальное явление: приспособлять свою психологию и духовную жизнь к психологии и духовной жизни другого народа, но что делать!?!... Папа Пий XI-й, основывая Руссикум, заповедал, в первую очередь, принимать сюда русских! Но поскольку Руссикум еще мало известен, а духовной работы для России непочатый край, то сюда временно принимаются также и иностранцы. И, удивительно, они приезжают сюда буквально из всех стран! В этом я вижу веяние Духа Божия; *Дух дышит, где хочет*, и призывает нас посвятить всю свою жизнь духовному благу России, против которой ополчились теперь врата адовы... Видеть же в этом уловку для облатинивания всех и вся, по крайней мере, неразумно, хотя бы потому, что у Святейшего Престола и без того довольно забот в деле управления Церковью, чтобы увеличивать их еще, восстанавливая против себя разные народы из-за обрядов; уж не говоря о том, что множество обрядов лишь украшает Невесту Христову...

– Но опыт с униатами, однако, говорит не в вашу пользу!?

– Я уже сказал вам о «провинциальном мировоззрении» на Вселенскую Церковь, даже среди католиков, – к сожалению и среди нас есть такие, – но тут вся Церковь не причем; Уния как уния, дело благородное, и являет собой исполнение воли Господней: *Да будут все едино!* Но вот, что делали некоторые провинциальные католики после Брестской Унии, то это лежит целиком на их совести, и сделано вопреки желанию папы! Ведь потому папы, – особенно последние, как Пий IX-й, Лев XIII-й, Пий X-й, Венедикт XV-й, Пий XI-й, Пий XII-й, – и вынуждены были издавать свои энциклики, чтобы вразумить ими, прежде всего, таких провинциальных католиков. А если вы вникнете глубже в историю и посмотрите на благородную фигуру митрополита Шептицкого, который выполнял лишь волю Пия X-го, то сами увидите, с какой любовью и одновременно мудростью папы защищают интересы всех чад своих в великом здании Вселенской Церкви. Взгляните также на величественный образ Венедикта XV-го: в России – революция, голод, гонения на Церковь, особенно католическую, а он трогательно, по-отечески заботится о голодающих русских. В последнюю ночь перед своей смертью он три раза спрашивал: «Получены ли визы?» (Советское правительство задерживало их для его посланных с продовольствием).

Больше я возражать не мог, но побежденным себя еще не считал! Поблагодарив священника, я сказал, что подумаю и почитаю что-нибудь обо всем этом; и, если можно, найду как-нибудь в другой раз. Священник проводил меня усталым взглядом и обещал помолиться обо мне...

Я продолжал ходить в церковь Руссикума на богослужения, но постепенно они тоже начали мне надоедать: все время то же самое, много повторений... Не поговорить ли мне о том с моим знакомым руссикумским священником, подумал я; интересно, что он скажет!?

Поговорить с ним мне хотелось еще и по другой причине: мои знакомые, которым я рассказал о встрече и разговоре с добрым священником, сразу сбили меня с толку, говоря, что я, наверное, попал в лапы иезуитов, которые только для того и тренируются десятилетиями, чтобы уметь отвечать на все вопросы: для них это все равно, что таблица умножения для хорошего ученика; а уж такого новичка, как меня, они, мол сразу обработали! Люди они, правда, дельные, – никого так не боится НКВД, как иезуитов, – но зато в духовной области они скудны; скорее хитрецы, политики, или все, что угодно, но только не отцы святые!... Хотя мой знакомый священник и произвел на меня иное впечатление, но я все-таки начал сомневаться; больно уж мне не хотелось оказаться наивным простачком, которого так-таки и обвели вокруг пальца какие-то там иезуиты!... Придется, думаю, сменить тактику и не ставить вопроса напрямик: «Вы иезуит?» Тут надо психологически!... Вот, как раз кстати, спросить его о моих затруднениях с богослужениями, и, таким образом, я сразу двух зайцев поймаю: лучше разберусь в этой непонятной для меня стихии, и, одновременно, посмотрю, как он на все это будет реагировать: как делец или как человек духовный?!

Пошел я к нему и говорю:

– В Бога я теперь верую, Христа люблю и готов все сделать, чего Он от меня захочет, но вот зачем эти длинные скучные богослужения в наш XX-й век? А уж если они и нужны, допустим, для общественного

назидания, то следует ли их устраивать так часто? Не достаточно ли было бы служить лишь по большим праздникам, и тогда это, быть может, действительно приносило бы душе какую-либо пользу? Ну, а ходить слишком часто в церковь я не вижу никакого смысла, попросту потеря времени! Лучше я пойду сделаю вместо этого какое-нибудь доброе дело... Однако, не поймите меня превратно, что будто я ополчаюсь против всего того, что совершается в церкви; совсем нет, я только против бесцельных стояний в церкви. Вот, например, исповедь – это гениальное изобретение Христа: разрешать от грехов людей, которые в них сознаются! Ну, и другие там священнодействия... Одним словом, я признаю, что в религии много хорошего, но как-то у меня еще не все укладывается в голове...

Священник внимательно слушал мою горячую тираду и, когда я ее окончил, сказал:

– Это, конечно, не так просто сразу объяснить то, на что нужны были бы годы изучения, да и то до конца всего не постигаешь...

– Ага! – подумал я, сам признается в своих долготлетних тренировках.

– Так вот, – продолжал он, – раз вы любите Евангелие, то начнем с него.

В Христе вы познали учителя истины, дающего нам слова жизни, но, кажется, ваше внимание недостаточно еще привлек образ Христа-Искупителя, страждущего Христа, а между тем Его страдания и Воскресение – центральный момент в Евангелии! Задали ли вы себе вопрос: почему Он страдал?

– За грехи наши, – сразу ответил я.

– Конечно, это так! Мир лежит во зле, то есть в грехе; все мы согрешили, начиная с первого человека, преступившего закон Божий совершением первородного греха, но знаете ли вы, что это значит?

– Нет не знаю! Но что все согрешили, принимаю без доказательств; пожалуйста, продолжайте!

– Этими грехами мы оскорбили Бога! Грехи наши содержат в себе что-то бесконечное, потому что значение их измеряется по отношению к оскорбленному Создателю. Даже в людских отношениях не то же самое оскорбить подчиненного или начальника, а между человеком и Богом расстояние бесконечное! И Бог не может на зло смотреть, как на добро, и закрывать глаза на нарушение порядка. Тогда бы Он и Богом не был; в мире царствовал бы произвол, – *все позволено!* – и нравственная гармония была бы нарушена! Да вы, вероятно, и сами чувствуете, что правда и справедливость где-то должны же быть?

– Да, порой чувствую, но уж очень редко!...

– Итак, чтобы искупить бесконечное человеческое зло, требовалось и бесконечное искупление! Люди не могли его дать, и тогда Сам Сын Божий снизошел на нашу грешную землю, чтобы спасти нас...

– Но каким же образом наказание безгрешного смывает вину грешного?

– Это для нас великая христианская тайна, но покров ее несколько приоткрывается при свете начала солидарности, проистекающего из закона любви. Солидарность – очевидный факт; она может быть удостоверена на опыте и в семейной и в национальной жизни: каждый народ, каждый сын этого народа, гордится именами своих великих людей, ибо их слава есть в то же время и слава их народа; и, наоборот, преступления отдельных людей позорят не только их личное имя, но вся нация чувствует ответственность за позор сынов своих, своих членов... А внутренняя солидарность между людьми действует, безусловно, куда глубже и постояннее в духовной жизни, нежели в естественной. Бог снизошел к неотступным мольбам

Авраама и обещал ему пощадить жителей грешного Содома, если в городе найдется хотя бы десять праведников (Быт 18.23-32). И Господь наш Иисус Христос, как еще за много веков назад предсказывал ветхозаветный пророк, *...изъявлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились* (Исаия 53.5). Ведь чего стоило Христу, Святому и Невинному, одно упрямое дикое озлобление Иудеев, малодушие Его учеников, измена Иуды, которому, стоя на коленях, Он только что омыл ноги, как и прочим, хоть и знал, что он Его сейчас предаст?! А уж от целования Иуды у кого не содрогнется сердце?! *Иуда, целованием ли предаешь Сына Человеческого?...* (Лука 22.48). А страдания Его Матери, Которой, как и предсказывал Симеон, *оружие прошло душу...* А Его борение в Гефсиманском саду: *Душа Моя скорбит смертельно...; и был пот Его, как капли крови; падающие на землю;* а это, как объясняет медицина, означает, что от чрезмерного напряжения лопнули кровеносные сосуды и, таким образом, все Его Пречистое Тело представляло из себя живую рану... И в этом состоянии Ему пришлось претерпеть бичевание, переодевание в багряницу, терновый венец, несение креста!... Даже ожесточенные палачи боялись, что их жертва не дойдет до Голгофы, и заставили Симона Кириянина нести крест Его... А затем само распятие, эта жесточайшая и постыдная казнь: гвозди пронзают ноги и руки, на которых висит тело, причиняя нечеловеческую боль! Спасителю предлагали выпить смесь уксуса с желчью (для притупления чувствительности), но Он отказался, захотел Свою Чашу страданий испить до конца, Даже Сам Отец, как будто, Его оставил и покарал за нас: *Проклят висящий на древе*, сказано в Писании... Как это все должно было терзать Невинного Христа!!!

– Все это так! Но я еще не услышал от вас ответа на вопрос: зачем нужны богослужения в церкви?

– Вот теперь услышите! Грешное человечество еще со времени Каина и Авеля приносило в дар Богу закланную жертву, то есть разрушало жизнь, чтобы созидать ее; но все это было бы тщетно, если бы не была принесена на Голгофе единственная, безгрешная, Святая Жертва, принятая Богом. И только потому, что эта Жертва принята, принимались и ветхозаветные приношения! И только потому и наша исповедь, и другие Таинства Церкви имеют теперь смысл! Ведь то, что вы сознались в вашем грехе священнику и, даже то, что вы сожалеете о нем, еще недостаточно для спасения, так как прощается вам, главным образом, потому, что за грехи ваши Христос принес Отцу Свой Искупительный Подвиг! Вы же в вашем признании и раскаянии свидетельствуете лишь о том, что душа ваша открыта для соучастия в этом подвиге. *А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и Воскресшего*, говорит св. ап. Павел (Кор 5.15). И далее (Рим 4.25): *Который предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего*. То есть Христос. Не только умер за нас, но простер любовь Свою до последних пределов; Он захотел каждому из нас дать возможность стать праведным и совершенным! «Эта праведность или святость засеменяется приобщением к жизни Воскресшего Господа, а раскрывается в силе деятельностью, соответствующею такому обновлению жизни», сказал Еп. Феофан Затворник. Вот теперь мы вплотную подошли к ответу на вопрос: *почему нужны богослужения в церкви?* Ведь, казалось бы, Христос один раз умер за нас, и слава Богу! «Зачем же нам еще терять время в церкви?» как вы, кажется, изволили выразиться.

Я покраснел, а священник, к еще большему моему смущению, продолжал:

Читая Евангелие, вы могли заметить, как много зависело от встречи людей со Христом. Мы видим вокруг Него больных и слабых людей, как мы, но которые, исходящей из Христа силой, исцелялись и преображались: кровоточивая женщина, лишь от прикосновения к одежде Его, тотчас исцелилась... А исцеление больных есть символ обновления и освящения людей силой Божией. Близость ко Христу Марии Магдалины совершенно переродила ее... Марфа и Мария после смерти их брата Лазаря встречают Христа словами: *Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой.* Они сознают, что все зависит от присутствия Христа среди них. Зная это, Христос не захотел, чтобы прямое соприкосновение с Ним было преимуществом только незначительной части человечества, Его счастливых современников, и тогда Любовь Премудрость Божия создала Тайну Церкви, в Которой Христос продолжает быть живым и действующим среди нас, как бы раздаваемым везде и всюду всем, уверовавшим в Него. И первая Божественная Литургия – это Тайная Вечеря: *Когда же настал вечер... взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавал ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И взяв чашу, ... пейте из нея вси; ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета за многих изливаемая во оставление грехов* (Матф 26.20-28). И таинственную силу этих слов Он передал Своим ученикам: *Сие творите в Мое воспоминание.* Таким образом, священник является представителем Христа на земле, возобновляющим и умножающим присутствие Его среди нас. Это величайшая власть на земле, с которой не может быть сравнима власть царей и властителей; и мы, поистине, должны поражаться, как много доверил Он людям! Ведь священник совершением Таинства Евхаристии низводит Самого Бога на землю!... И, предавая Себя в руки

Своих учеников, Христос предвидел заранее и ту хвалу, которую воздадут Ему за это христиане, и то равнодушие, которое оледенит сердца многих людей, а также и ненависть и святотатства врагов... Но это не могло поколебать Его! Возлюбив нас до конца, Он на все был согласен, и остался среди нас уничиженный и безмолвный в Пресвятой Евхаристии лишь только для того, чтобы служить верующим поддержкой и утешением. *О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!* восклицал св. ап. Павел (Рим 11.33). Нас волнует поэма Некрасова *Русские Женщины*, в которой описывается, как несколько женщин пожертвовало счастливой привольной жизнью, чтобы последовать за своими мужьями, сосланными на каторгу в Сибирь, и похоронить свою молодость в сибирских снегах лишь для того только, чтобы краткие минуты встреч могли поддерживать тех, кого они любили. Но насколько же больше должно волновать нас то, что происходит на Божественной Литургии!? Ведь это та же Голгофа теперь, как и 2000 лет тому назад!...

С напряженным вниманием слушал я священника, но, к великому сожалению, нас прервали, и он должен был срочно ехать к умирающему больному. Я вышел, погружившись в глубокие размышления о только что слышанном, и о том, что вот кто-то теперь умирает... Как хорошо, что умирающий будет напутствован в свое последнее путешествие столь достойным пастырем, подумал я, и это меня как-то успокоило. А иезуит ли он, не все ли мне равно?

Поняв смысл и важность принесения Бескровной Жертвы во время Божественной Литургии, я стал смотреть на священника иными глазами; раньше он казался мне каким-то долгополым устаревшим существом, а теперь я стал преклоняться перед значением

и величием его служения! Невольно вспомнилась Германия, плен и на всю жизнь врезавшийся в память слу- чай.

Один несчастный, доведенный немцем до отчаяния, схватил камень и убил его, а затем себя... Сейчас же нас всех выстроили, и каждого десятого заточили в карцер на голодную смерть! Пал жребий и на одного многосемейного пленного... Он весь затрясся, несчастный, как в конвульсивном припадке, давившем его горло, и лишь вымолвил: «Мои... де...» Сейчас же выступил вперед один рослый белокурый юноша и сказал: «Я пойду вместо него!»

Нечто подобное я вижу теперь и в священнике, который добровольно отрекся от своей личной жизни, ради спасения многих: *Уже живу не я, но Христос живет во мне*, говорит св. ап. Павел.

Читая Евангелие, я теперь обратил внимание на то, что в самом начале своего общественного служения, Христос, проведя всю ночь в молитве, на утро избирает Себе помощников. Он посылает их вместо Себя, и они не только призваны проповедовать Его учение, но Он дает им власть исцелять недуги душ и телес. И если они были необходимы при жизни Христа на земле, то тем более Он хотел, чтобы они продолжили Его дело, когда Ему надлежало вернуться к Отцу Своему. На место первых апостолов, естественно, стали их преемники, к которым, безусловно, перешла та же власть – *вязать и разрешать*, служить Божественную Литургию, учить христиан – *Слушающий вас, Меня слушает...* Так дело Спасителя продолжается до наших дней, так будет и впредь *до скончания века...*

Вне всякого сомнения, моя жизнь постепенно при-

обретала новый смысл... Внешне, как будто, не было перемен, но маяк веры все сильнее и сильнее освещал мою душу; и, даже, страдания представлялись мне теперь в ином свете. Прав был великий русский писатель, сказавший : «Я познал Тебя, Господи, и страдания мои кончились... Я чувствую близость Твою, чувствую помощь, когда я иду по путям Твоим, и прощение, когда отступаю от них».

Но мало прийти к Богу и встретиться с Ним, необходимо еще на Его любовь ответить нашей любовью! С нашей стороны необходим труд. Это отнюдь не почитание на лаврах Побед Христовых! Ведь Христос Своею Крестной Смертью заполнил зияющую пропасть, которую человек разверз в своем греховном безумии; однако, каждому из нас Он захотел оставить свою посильную трещинку, чтобы он заполнил ее в течение своей земной жизни: *Возьми крест свой и следуй за мной!* Господь захотел возвысить нас до степени Его сотрудников, чтобы каждый участвовал потом и в Славе Его, как потрудившийся на этой земле во имя Его. В этом и обнаруживается великая необъятная Премудрость Божия, построившая весь план спасения мира на свободном произволении человека, сохраняя ему полноту свободной воли: *Я уже не называю вас рабами..., но Я назвал вас друзьями...* (Иоанн 15.15). Господь назвал нас братьями и мы, вместе с Ним, стали называться сынами Божиими! Да не только назвал, но и действительно сделал, преобразив нас в корне нашего бытия, и призвал нас быть Его свободными сотрудниками не только в деле нашего личного спасения, но и в деле спасения наших ближних; ибо, как сказал Спаситель, *Блаженнее давать, нежели принимать* (Д.А. 20.35). После Благовещения Пресвятая Богородица поспешила к своей родственнице Елисавете, и, надо полагать, не для того только, что-

56

бы просто сообщить ей о совершившемся великом чуде зачатия Сына Божия, но, очевидно, и для того, чтобы *освятить* и ее, и ее будущего сына, св. Иоанна Предтечу, который, действительно, тут же и исполняется Св. Духа. Любовь к людям происходит от любви к Богу; ибо, любя Бога, мы хотим, чтобы Он был прославлен *всеми* людьми. *Прославление же людьми Бога и включает в себе их высшее благо, их спасение!* Пресвятая Богородица, сподобившаяся стать Матерью Божией, ради своей величайшей любви к Богу, вследствие этой самой любви, любит величайшей любовью всех людей, желая их полного освящения.

Так и мы, достигнув, в той или другой степени, общения с Богом, ради любви к Нему, должны любить и наших ближних, то есть прежде всего, и главным образом, стараться о том, чтобы и они прославляли Бога, чтобы Бог был все и всем; это и значит, что мы должны стать соработниками Христу в деле спасения мира.

В эти дни мне пришлось прочесть еще одну книжку, в которой меня особенно поразили некоторые мысли о наших обязанностях по отношению к Богу и о нашем соучастии в Божественной Литургии.

Бог есть совершенное благо, к Нему должно все стремиться и возвратиться. Тем более создание, если оно обладает умом, должно признать, что вне Бога ничего не нужно искать, что от себя оно ничего не имеет, и, даже хоть ради собственного блага, должно свободно возвратить Творцу все то, что оно имеет. Это не есть просто благочестивый акт, но долг, обязанность человека, и одновременно право Божие. Это – порядок! Нарушение его удаляет от Бога, ведет к отрицанию, к натурализму, что приводит к усыплению совести и сознания, заставляет забывать самые

начальные понятия, даже чисто человеческого порядка. Укрепляясь в вере, мы одновременно становимся на правильную точку зрения, даже просто человеческую, естественную. Без этого мы ставим себя ниже человеческого уровня, на уровень неразумных животных, которые ничего не знают о существовании Творца и Его правах. Таким образом, жертвоприношение абсолютно необходимо! Вот почему во всякой человеческой жизни, даже общественной, оно занимает первое место, которое невозможно ничем заменить; о нем самый последний язычник имеет понятие. А мы, христиане, тем более должны приносить в жертву всю нашу жизнь. Христос ради нас стал Священником и Жертвой, но захотел, чтобы и мы соучаствовали в Ней. Ведь если бы Христос не установил Божественной Литургии, то Крест остался бы Его и только Его Жертвой; но Он захотел, чтобы христиане всей Церкви и во все века, участвовали в этой Жертве, принося свои личные жертвы вместе с единственной чистой Жертвой, которая, безусловно, будет принята Богом. И Жертва эта настолько бесконечно свята и чиста, что ни наша греховность, ни даже греховность священника, не может умалить Ее силы. Однако, несмотря на Ее бесконечную ценность, плоды Ее в нас зависят от нашего духовного расположения. Изобилие Благодати Божией даруется соответственно нашей вере, нашей любви, нашему смирению... Взгляд Отца обращен на наше внутреннее единение со Христом. Нам надо молиться за всех тех христиан, которые проснутся в свете вечности и воскликнут: «Как! я имел все это в руках и не знал! Я даже не подозревал, какая великая власть была у меня в руках и она осталась без применения!»...

Как прекрасно сказал о. Иоанн Кронштадтский:

«Кто может понять величие благодеяния, которое даровал нам Господь в таинстве Евхаристии или Причащения? Никто не может этого понять вполне, даже ангельский ум, потому что это благодеяние бесконечно, как Сам Бог, Его Благодать, Мудрость и Всемогущество»... И далее: «Божественная Литургия – величайшее благо моей жизни, за которое я беспрестанно благодарю Бога».

Невольно мои мысли перенеслись к многострадальной Родине нашей и я подумал, что, собственно, даже те, которые выступают против христианства, ничего мудрее не выдумали, как украсть у христиан идею жертвенности и воспользоваться ею шиворот-на-выворот! Как, например, большевики в своем «Диалектическом материализме»: у христиан эта величайшая тайна применяется к человеку; у большевиков нет человека, а вместо него – общество, «масса», как они выражаются. Отсюда у них получается «необходимость насилия, революции, чтобы умерла старая общественная формация и пришла новая на смену ей». Это замысловато названо, *законом отрицания отрицания*; излюбленный ими пример: «Зерно падает в землю и отрицается выросшим из него растением; последнее в свою очередь отрицается выросшими на нем новыми зернами и т.д.».

– Ну, а какая же «формация» будет отрицать коммунизм?

– О, нет, коммунизм – это конечная стадия развития общества, – отвечают большевики.

– Но, тогда, мы идем и какому-то тупику в своем развитии и вышеназванный закон почему-то перестает действовать?!

На этот вопрос самый знаменитый профессор из «Института Красной профессуры» ответил:

– При современном мышлении этого понять нельзя.

– Вот тебе и раз! – подумал я про себя, – точно я о загробной жизни его спросил, что этого понять нельзя...

Удивительно, как сразу все уродливо выглядит, стоит только взять за основу: человек для общества, а не наоборот! Но ведь человек – образ Божий, и Ему одному должен поклоняться! Сказано: *Не сотвори себе кумира!*... В религии же атеизма Бог заменен кумиром, обществом; причем, ведь на словах только этим кумиром является общество, а на деле – всего лишь *горсточка пройдисветов!* Спросите об этом хотя бы Сталина!... Но тогда зачем же дана человеку свободная воля? Что ему с ней в стаде, «массе» делать?!

И как все сразу становится на свое место, если эту величайшую тайну применить к человеку: каждый человек может добровольно жертвовать собой для общества. Тут любовь и истина! Ни тени насилия или ограничения свободной воли человека, дарованной ему Богом. Кто не хочет, и желает, наоборот, жить, в основном, для себя, тот и живет!... Величайшая свобода, какую только возможно иметь человеку в этом мире, может быть только в Боге. Все попытки людей искать свободу вне Бога – тщетны!...

Когда открылось перед моим внутренним взором все величие Христова дела на земле, все человеческие усилия показались мне ничтожными для приобретения драгоценной жемчужины – Царствия Божия... Невольно вспомнился библейский рассказ: Иаков прослужил у Лавана 7 лет, чтобы получить руку его дочери Рахили, и эти годы показались ему короткими, потому что он любил ее. Не так ли должно быть и с нами!?... Когда оценим мы должным образом великий дар благодати Христовой и возможность духовно преобразиться и ежедневно идти вперед по пути любви,

60

как бы ни была ничтожна наша жизнь до сих пор, мы не сможем не воскликнуть от полноты сердца:

Поистине, Христианство прекрасно и необъятно.

Прав был Достоевский, говоря, устами Алеши Карамазова, что христианство – это «красота, которая спасет мир».

Прошло несколько месяцев. Много времени я употребил на чтение книг, молитву, размышления... Мне хотелось, чтобы принятое мною решение было свободным ответом моей души на призыв Божий, без какого-либо постороннего влияния... И кончилось тем, что Господь призвал меня во Вселенскую Церковь!

Вопрос о поступлении в Руссикум было гораздо легче разрешить. Правда, мой знакомый священник предупредил меня о трудностях избираемого мною пути, указывая, что призвание мирянина, работающего во славу Божию в миру, и помогающего своим братьям познать Христа, тоже святое и очень нужное для Церкви призвание; но если я решусь переступить порог Руссикума, чтоб жилище свое в нем сотворить, то должен помнить, что над дверьми его стоит невидимая надпись: *Вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге* (Кол 3.3). И, тогда, если я действительно отдам свою жизнь для Христа, то осуществляются и в моей душе евангельские слова: *Всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную* (Матф 19. 29). Вот уж почти 2000 лет, как сказаны были эти слова, и обещание сбывалось каждый раз, когда христианин верил им и следовал призыву, заключенному в них. Я поверил и поступил в Руссикум!...

Началась новая жизнь. Угрюмые рясы бесшумно скользили вокруг меня, торопясь на утреннюю молит-

ву. И эта бесшумность сначала подавляет. Но вскоре я уже сам вкусил сладость молчания, и отныне потекла для меня тихая размеренная жизнь, все по звонку!

С удовольствием я убедился, что Руссикум – это духовный уголок России в Риме: здесь повсюду наши русские иконы; в залах и комнатах развешаны репродукции знаменитых русских иконописцев и художников и т.д. Но больше всего меня привлекла библиотека Руссикума, о которой здесь, на чужбине, я и не мечтал... Впервые я начал познавать духовные сокровища христианского Востока: творения Златоуста, Ефрема Сирина, Василия Великого, Максима Исповедника...; а также русских подвижников – св. Тихона Задонского, Димитрия Ростовского, Еп. Феофана Затворника, оптинских старцев и т.д.

Я теперь каждый день присутствую на богослужениях, и все больше и больше ценю их духовную красоту и силу! И даже повторения приобретают все новый и новый смысл: *Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас*, часто повторяет Церковь; когда задумаешься, сколько крови христиан первых веков пролилось за эти святыя слова (в связи с ересью Ария), то невольно хочется без конца повторять их, в залог молитвенной солидарности с этими Христовыми воинами, положившими жизнь свою за имя Его. А я-то несчастный, чуть ли не вчера еще, кощунственно помышлял о них, как о каких-то неудачных «изобретателях богослужений», «для нашего XX-ого века» и т.д. Не потому ли Ты, Господи, и отпускаешь быть этим ужасным болезням «для нашего XX-то века», как социализмы, коммунизмы, и прочие «измы», так разъедающие нас?! Вместе с «измами» уже не по желанию, а по принуждению, начинаются для нас «дьяволослужения» в виде общественных собраний и т.д.

Прав был о. Иоанн Кронштадтский, тщетно зывавший к нам еще перед началом всех этих, так называемых, «великих революций»: «Опомнитесь! куда вы идете!?!»

А отец Иоанн Гагарин еще за 70 лет пророчески сказал: «России надо выбирать между католичеством и революцией», имея тем в виду необходимость укрепления и процветания родного Православия в лоне Вселенской Матери Церкви.

Как прекрасно понимал эту задачу Экзарх Леонид Федоров, с 1917 г. возглавлявший в России русско-католический экзархат восточного обряда! Он следовал идее Соловьева, который считал, что русскому православному, чтобы стать католиком, собственно, «переходить» некуда; ему надо только принять и выявить всю полноту Православия и тем самым воссоединиться со Вселенской Церковью. И как прекрасны слова молитвы о. Леонида о соединении церквей:

Призри Милосердный Господи Иисусе, Спасителю наш, на молитвы и воздыхания грешных и недостойных рабов Твоих, смиренно к Тебе припадающих, и соедини нас всех во единой, святой, соборной и апостольской Церкви! Свет Твой незаходимый пролей в души наши. Истреби раздоры церковные, дай нам славить Тебе единым сердцем и едиными устами, и да познают все, что мы верные ученики Твои и возлюбленные дети Твои! Владыко наш многомилостивый, скоро исполни обетование Твое, и да будет едино стадо Твое и един пастырь в Церкви Твоей, и да будем достойны славить Имя Твое святое всегда, ныне и присно, и в бесконечные веки. Аминь.

Экзарх Леонид Феодоров

Отец Леонид Федоров родился в православной семье, в Петербурге, 4 ноября 1879 г. По окончании классической гимназии он поступил в православную Духовную Академию, но на втором курсе, в 1902 г., оставил ее и уехал в Рим, где воссоединился с Вселенской Церковью. Учился он в семинарии в Ананьи, затем в Риме и в 1909 г. закончил образование в университете во Фрейбурге (Швейцария). В 1911 г. он был рукоположен во священники восточного обряда, а в 1913 г. принял постриг в мо-

настыре Св. Иосифа в Боснии. Уже как монах-студит, возвращается он в 1914 г. в Россию, где его тотчас же арестовывают и ссылают в Сибирь. После освобождения в 1917 г. он был назначен главою русской католической Церкви с титулом экзарха. Во время церковного гонения, устроенного советской властью, суд в Москве, в 1923 г., присудил его к 10 годам тюремного заключения; в 1926 г. его сослали в Соловки, где он пробыл до 1931 г.; затем его перевезли в Вятку работать на тамошних заводах; и, наконец, 7 марта 1935 г., вследствие полной утраты сил и великих страданий, Экзарха Леонида больше не стало... Он умер, как мученик за единую Вселенскую Церковь Христову. Склоним главы свои перед его светлой памятью!...

Скажу еще несколько слов об учебных занятиях в Руссикуме.

Семинаристы должны учиться в университете философии и богословию. Сначала я философии терпеть не мог: это заморское произведение мне казалось совсем ненужным! Однако, постепенно я понял, что христианская философия может дать уму приблизительно то же, что страдания душе: освободить его от легкомыслия, от увлечения второстепенным, создать привычку не судить ни о чем только по личным впечатлениям, а стараться во чтобы то ни стало добраться до истины.

Еще у древних философов мы читаем: «Платон мне друг, но еще больший друг мне – истина».

Перед экзаменами лица у многих вытягиваются, и отнюдь, не напоминают те «веселые лица семинаристов», которые я когда-то встретил по приезде в Рим; те, наверное, только что возвращались с каникул.

Закончив тяжелый учебный год, и мы всей духовной семьей уезжаем из душного Рима куда-либо на ло-

но природы, где можно, наконец, вздохнуть полной грудью и набраться свежих сил.

Величественна и непередаваема по глубине чувства Божественная Литургия в горах при первых лучах восходящего солнца. Какой восторг охватывает душу! О, Создатель, как прекрасен храм Твой!

Укрепившись духовно, семинаристы не забывают укрепляться и физически, сочетая при этом приятное с полезным.

Но вот приближается новый учебный год, и надо возвращаться в Рим. Снова надо сражаться с трудностями. Нелегко мне! В России я привык к более конкретному способу мышления, а тут надо мыслить отвлеченно, да еще на чужом языке, и мне теперь трудно привыкнуть!... Но «все служит на благо любящим Бога». Если бы не было трудностей, то реже прибежали бы мы к Богу и к «маленькой Терезе из Лизье», нашей покровительнице, и особенно к Царице Небесной, Которой 8-9 декабря 1949 г. был посвящен Руси-

кум. Теперь мы обращаемся к Ней, как к своей Царице и многие из нас познали на опыте, как Бог милостив и скоропослушлив, если заступается за нас Сама Пресвятая Богородица!

С надеждой и радостью думаю я о том, что Она заступилась в 1917 г. за многострадальную Россию из далекой Фатимы, где Она явилась миру и сказала:

Молитесь, молитесь все за спасение России.

«Молясь об этом, причащайтесь в первую субботу каждого месяца»¹.

В конце концов Мое Пречистое Сердце восторжествует, Святейший Отец посвятит Мне Россию², она вернется к Богу и на некоторое время мир будет дарован миру.

Как несказанно поддерживает меня мысль, что, по милости Божией, моя жизнь будет полезна горячо любимой Родине. Ведь на просторах многострадальной России идет теперь великая борьба двух мировых идей – христианства и антихристианства, и от исхода этой идейной борьбы во многом зависит теперь судьба: и христианства и человечества!... Средних путей теперь нет! Мир стал очень тесен, и никому не уйти от того или иного служения.

-
1. Пресвятая Богородица говорит это, обращаясь к западным христианам, у которых днем Ее особого почитания является суббота. В применении к нам, христианам Востока, слова Богородицы могут быть истолкованы, как призыв к Причащению, прежде всего, в дни Богородичных праздников, а также и в дни ее особого почитания каждую неделю – в воскресенье, в среду и в пятницу.
 2. Только что получено извещение о том, что Папа в замечательном апостольском послании, обращенном к народам России, сообщает об особом посвящении народов России Пренепорочному Сердцу Пресвятой Богородицы, совершенном им, по Ее желанию, 7 июля 1952 г.

Будущее человечества зависит теперь не от количества войск и техники, как многие думают, а от силы духа! А значит, теперь, как никогда, нужны полководцы духа, то есть, священники Бога Всевышнего. Вот об этом-то каждому русскому и надлежит хорошо помолиться!

Кто бы ты ни был, русский мой брат, читающий эти строки, если ты услышишь голос Божий, зовущий тебя, не давай окаменеть твоему сердцу... *Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму (Матф 3.9)*, но от человека Он ждет свободного дара. *Христос – путь, истина и жизнь*; Он никогда не обманывал приходящих к Нему! Ты не пожалеешь о том, что сделаешь во славу Его, ибо Он возвращает во сто крат. Не страшись своей слабости или многогреховности, но лишь молись Ему усердно! Коль моей напуганной, измученной, исковерканной материализмом души коснулась Его всемогущая Десница, то что может сделать Он с другими, более достойными?! Когда познаешь Его и последуешь за Ним, то не сможешь не воскликнуть со св. Церковью:

Слава Тебе, показавшему нам свет!

*« Анаграмма Рима : Рота-амог любовь » писал Соловьев
« Рим—вселенский центр любви Христа к человечеству ».*